

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

АЗИАТСКИЙ МУЗЕЙ—
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АН СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1972

Иранистика

Иранистика, иранская филология и иранское языкознание относятся к числу дисциплин, представленных в АМ—ИВАН СССР (Ленинградское отделение) на протяжении всего его существования — с 1818 г. и до наших дней. Развитие этих дисциплин в стенах бывшего АМ неразрывно связано с именами таких крупных деятелей отечественной и мировой науки, как акад. Б. А. Дорн, К. Г. Залеман, проф. В. А. Жуковский, чл.-корр. АН СССР А. А. Фрейман и Е. Э. Бертельс. Трудami этих ученых и их учеников создана отечественная школа иранской филологии — разветвленной отрасли востоковедения, обнимающей целый ряд специальных иранистических дисциплин — от изучения памятников древнеиранской письменности до истории новой и новейшей литературы ираноязычных народов, от сравнительно-исторического иранского языкознания до исследований в области живых иранских языков и диалектов.

Проследить развитие основных направлений этой науки в стенах АМ—ИВАН, показать роль его сотрудников в развитии этой науки — такова задача двух нижеследующих очерков.

* * *

И. М. ОРАНСКИЙ

Древнеиранская филология и иранское языкознание

Первые работы по иранскому языкознанию и древнеиранской филологии в АМ связаны с именем акад. Б. А. Дорна (1805—1881). Разносторонне образованный востоковед, географ, историк, филолог, лингвист, преподаватель персидского, афганского, арабского, санскрита и других языков, директор и историк Азиатского музея, Б. А. Дорн оставил большое научное наследие в ряде областей востоковедения¹.

¹ См.: G. Dugat, Histoire des Orientalistes de l'Europe du XIIe au XIXe siècle, t. I, Paris, 1868, стр. 72—99 (с тематическим списком трудов Дорна на 60-е годы XIX в.); В. А. Ромодин, Из истории изучения афганцев и Афганистана в России, — ОИРВ, [I], 1953, стр. 155—158. Подавляющее большинство работ Дорна печаталось в академических изданиях и учтено в кн.: Ливотова и Португаль, Востоковедение, стр. 54 и сл. Краткое описание архива Дорна см.: ТААН, вып. 16, 1959, стр. 252—254.

В области иранского языкознания наибольшее значение имели труды Дорна по афганскому (пашто) языку — грамматические исследования и хрестоматия со словарем². Придавая большое значение подготовке специалистов по афганскому языку, Дорн ввел преподавание его на ФВЯ Петербургского университета (1855—1857). Педагогическая деятельность Дорна и его труды, заложившие основу научной грамматики афганского языка³, утвердили приоритет отечественной науки в области афганского языкознания и принесли ему мировую известность как «первому автору научной грамматики языка пашто»⁴ и «талантливому пионеру изучения афганского языка в Европе»⁵.

Начиная с 50-х годов Дорн проявляет интерес к изучению иранских языков южного побережья Каспийского моря, и при посредстве Н. В. Ханыкова и других лиц, работавших в Персии, ему удается получить некоторое количество записей и стихотворных текстов на мазандеранском языке. В 1860—1861 гг. Дорн предпринял экспедицию по Кавказу и южному берегу Каспийского моря, в которой принял участие и один из его учеников по афганскому языку — Г. В. Мельгунов. Среди обширных материалов, собранных экспедицией, заметное место занимают лингвистические материалы — тексты, разговорные фразы, стихи, грамматические наброски, лексика на мазандеранском, гилянском, татском и талышском языках⁶. Вместе с мазандеранскими записями, полученными ранее, эти материалы должны были составить основу задуманного Дорном большого труда под общим названием «Материалы к познанию иранских наречий». В свет вышли, однако, лишь первые две части этого труда, посвященные мазандеранскому языку и изданные Дорном в сотрудничестве с лектором персидского языка в Петербургском университете, выходцем из Мазандерана, Мир-

² В. Dorn, *Grammatische Bemerkungen über das Pushtu, oder die Sprache der Afghanen*, St.-Pbg., 1840 (отд. отт.); то же — *Mém.*, VI, sér., t. V, 1845, стр. 1—163); его же, *Zusätze zu den grammatischen Bemerkungen über das Pushtu*, — там же, стр. 435—487; его же, *Nachträge zur Grammatik der afghanischen Sprachen*, — *Bull. sc.*, 1842, t. X, № 23, стр. 356—368; В. Dorn, *A Chrestomathy of the Pushtu or Afghan Language*, St.-Pbg., 1847.

³ См. В. [А.] Лившиц и И. [М.] Оранский, *Изучение афганского языка (пашто) в Афганистане и за его пределами*, — *УЗ ЛГУ*, № 117, 1949, стр. 179—204; их же, *Изучение афганского языка (пашто) в отечественной науке*, — *ОИИИЯ*, М., 1962, стр. 69—73.

⁴ Fr. Müller, *Die Konjugation des afghanischen Verbums*, — *SBAW*, Wien, № 55, 1867, стр. 678. См. также: *LSI*, vol. I, pt I, 1927, стр. 16.

⁵ E. Trumpp, *Grammar of the Paṣō or Language of the Afghāns*, London, 1873 (работа посвящена Б. А. Дорну).

⁶ См. Б. Дорн, *Отчет об ученом путешествии по Кавказу и южному берегу Каспийского моря*, СПб., 1861, стр. 14—15, 18—19, 21—23, 28—29, 39; см. также: *ТААН*, вып. 4, 1940, стр. 221.

зой Мухаммедом Шафи⁷. Последующие части должны были, по замыслу Дорна, содержать материалы по гилянскому (ч. III)⁸, талышскому («талышинскому») и татскому языкам, затем предполагалось издать грамматики и словари по всем этим языкам⁹. Однако замысел этот Дорну осуществить не удалось, и большая часть собранных материалов не увидела света. Помимо материалов, изданных в «Beiträge...» (I, II, вып. 1 и 3), Дорном опубликовано лишь несколько образцов мазандеранской, гиланской, татской и талышской речи¹⁰. Образцы гиланского фольклора, записи местных названий плодов, растений, птиц и животных были опубликованы также участником экспедиции Г. В. Мельгуновым. Ему же принадлежит очерк гиланского и мазандеранского диалектов¹¹. При всем несовершенстве методов сбора и записи этих материалов¹² ценность их была настолько велика, что еще сорок лет спустя эти материалы (в том числе и неопубликованные) послужили главным источником для составления раздела о прикаспийских языках в знаменитом компендиуме по иранской филологии¹³, а опубликованные Дорном (при участии Мирзы Мухаммеда Шафи) мазандеранские тексты были переизданы в Тегеране уже в наши дни¹⁴.

⁷ «Beiträge zur Kenntniss der iranischen Sprachen». I. Th. Masanderanische Sprache. Hrsg. von B. Dorn and Mirsa Muhammed Schafy, St.-Pbg., 1860; II. Th. 1 и 3 Lfg. (стр. 1—276 и 488—554 арабской пагинации) Masanderanische Sprache. Die Gedichtsammlung des Emir-i-Pasewary, in Verbindung mit Mirza Muhammed Schafy hrsg. von B. Dorn, St.-Pbg., 1866. ⁸ Часть тиража ч. II вышла в свет с титульным листом на русском языке («Материалы к познанию иранских наречий. Часть II, вып. 1 и 3. Мазандеранское наречие. Собрание стихотворений Эмира Пазевари. Изданное при содействии Мирзы Мухаммеда Шафи Б. Дорном», СПб., 1866) и с русским предисловием. Второй выпуск ч. II, который должен был содержать толкование стихов и обстоятельное предисловие ко всей ч. II, в свет не вышел. Типографский оттиск этого выпуска (стр. 277—488 арабской пагинации) хранится в Библиотеке ЛО ИВ. Здесь же сохранился оттиск предисловия ко II части (48 стр.).

⁸ В Библиотеке ЛО ИВ сохранились: а) типографский оттиск ч. III (182 стр. текста+64 стр. списка опечаток, б. г., б. м.). Здесь содержится гиланский перевод 49 рассказов, опубликованных на мазандеранском языке (с персидским переводом) в ч. I, а также стихи гиланских поэтов (в том числе анонимные), шуточные стихи на лахиджанском наречии, переводы рассказов и исторических отрывков на гиланский и мазандеранский языки; б) типографский оттиск, содержащий грамматический очерк гиланского языка (72 стр.).

⁹ См. «Материалы», ч. II, СПб., 1866, стр. V.

¹⁰ См. Б. Дорн, Каспий, СПб., 1875, стр. 352—356 и др.

¹¹ См. «О южном берегу Каспийского моря. Замечания Г. Мельгунова», СПб., 1863, стр. 186—194, 274—283; G. Melgounof, Essai sur les dialectes de Mazanderan et de Ghilan, — ZDMG, Bd 22, 1868, стр. 195—224.

¹² См. В. С. Соколова, А. Л. Грюнберг, История изучения бесписьменных иранских языков, — ОИИИЯ, стр. 137.

¹³ W. Geiger, Die Kaspischen Dialekte, — GiPh, Bd I, Abt. II, Strassburg, 1898—1901, стр. 344—380. См. также стр. 287.

¹⁴ B. Dorn va M. M. Shafi, Kanz-ul-Mazandarani, Tehran, 1957.

Из других современных языков Дорн занимался семнанским, который сближался им с прикаспийскими языками¹⁵, принимал активное участие в создании первых отечественных работ по курдоведению. Должны быть отмечены также его многочисленные статьи, посвященные чтению пехлевийских легенд на сасанидских монетах, а также ранняя работа о родстве иранских и других индоевропейских языков¹⁶.

После кончины Дорна иранистические дисциплины были представлены в АМ (с 1890 г.) акад. К. Г. Залеманом (1849—1916), крупнейшим деятелем отечественной и мировой иранистики конца XIX — начала XX в. Окончив в 1871 г. ФВЯ по двум разрядам — санскритско-персидскому и арабско-персидско-турецко-татарскому, К. Г. Залеман оставил за 45 лет своей творческой деятельности обширное научное наследство — большое число печатных работ и весьма значительное количество неопубликованных материалов и исследований, доведенных им до разной степени готовности к изданию (вплоть до отпечатанных чистых листов) и хранящихся в архиве ученого¹⁷. Многосторонняя научная, научно-педагогическая и научно-организационная деятельность, жизненный и творческий путь Залемана, ираниста и тюрколога, лингвиста и филолога, директора АМ (1890—1916) и преподавателя университета (1876—1916), одного из руководителей университетской и академической библиотек, авторитетного организатора лингвистических исследований в АН, освещены в библиографических материалах¹⁸, некрологах В. В. Бартольда и С. Ф. Ольденбурга¹⁹, в обстоятельной статье А. Г. Периханяна, основанной в значительной мере на архиве ученого²⁰. В рамках настоящего очерка представляется поэтому более целесообразным сконцентрировать внимание на основных направлениях творческой деятельности Залемана в области иранской филологии, ибо, как это будет видно из дальнейшего, именно в его деятельности берет свое начало

¹⁵ См. B. Dorn, Über die Semnanische Mundart, — Bull. de l'Acad. t. XXV. 1879, стр. 265—276.

¹⁶ B. Dorn, Ueber die Verwandtschaft des persischen, germanischen und griechisch-lateinischen Sprachstammes, Hamburg, 1827.

¹⁷ ЛОА АН СССР, ф. 87. Краткое описание архива Залемана см.: ТААН, вып. 1, 1933, стр. 153—154; то же, вып. 16, 1959, стр. 262—266.

¹⁸ «Биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета за истекшую третью четверть его существования. 1869—1894», т. I, СПб., 1896, стр. 257—258; «Материалы для биографического словаря действительных членов имп. Академии наук», ч. I, Пг., 1915, стр. 293—298 (автобиография и список работ).

¹⁹ ЗВОРАО, т. XXIV, 1917, стр. 237—258; ИАН, 1917, VI сер., т. XI, стр. 281—286. См. также: С. Ф. Ольденбург, К. Г. Залеман как библиотечарь, — «Библиологический сборник», т. II, вып. 2, Пг., 1918, стр. 7—10 (63—66).

²⁰ А. Г. Периханян, Карл Германович Залеман, — ОИРВ, IV, 1959, стр. 79—115.

последующее развитие ряда иранистических дисциплин в стенах АМ — ИВ и в отечественной иранистике в целом. В число иранистических работ Залемана входят и работы филологического характера, однако по своим научным интересам Залеман был прежде всего лингвистом, историком иранских языков. И едва ли не все его работы, начиная с пробных лекций в университете (1875)²¹ и кончая диалектологическими записями по шугнанскому или ягнобскому языкам, подчинены в конечном счете задачам исторического иранского языкознания²².

Главной линией исследований Залемана, проходящей через всю его творческую деятельность, были исследования в области среднеперсидского языка. Уже первая его работа в этой области²³ заставила в корне изменить взгляды на пехлевийскую лексикографию²⁴ и положила начало строго научному ее изучению. Одной из важнейших задач пехлеистики Залеман считал установление текста и его произношения. Именно ему принадлежит заслуга окончательного определения идеографического характера письма пехлевийских текстов. Уже в первых своих работах Залеман утверждал, что семитские (арамейские) слова, встречающиеся в пехлевийских текстах, являются только условными знаками, идеограммами для соответствующих иранских (среднеперсидских) слов и что они никогда не читались и не произносились иначе как по-ирански²⁵. Дальнейшая работа над памятниками пехлевийского письма все более убеждала его в правильности такой точки зрения, и в 1887 г. Залеман делает первую в истории науки попытку реконструировать фонетический облик пехлевийских текстов²⁶. Залеману принадлежит первая научная грамматика среднеперсидского

²¹ «О причинах разнообразия в чтении и транскрипции пехлевийских писем» (по назначению факультета) и «Краткий обзор истории древне- и среднеиранских наречий» (по собственному выбору).

²² Даже в магистерской диссертации Залемана («Четверостишия Хакани», СПб., 1875), носящей чисто филологический характер, особое внимание уделяется языковым особенностям текста и вопросу о необходимости изучения языка персидских поэтов для обогащения «имеющихся пока у нас грамматик и словарей» (там же, особенно стр. 29—36).

²³ C. Salemann, Über eine Parsenhandschrift der K. Öffentlichen Bibliothek zu St.-Petersburg, — «Труды III международного съезда ориенталистов в Санкт-Петербурге 1876 г.», т. II, СПб., 1879, стр. 493—592 (расширенное изложение доклада, читанного на III международном конгрессе ориенталистов в августе 1876 г.).

²⁴ См., например: H. Junker, Farhang-i pahlavik, Heidelberg, 1912, стр. I.

²⁵ См., например: К. Г. Залеман, Очерк истории древнеперсидской или иранской литературы, — «Всеобщая история литературы», вып. I, СПб., 1880, стр. 187. Еще раньше эта же мысль подчеркивалась им в первой пробной лекции в университете (см. выше, прим. 21).

²⁶ См. C. Salemann, Mittelpersische Studien, — Bull. de l'Acad., t. XXXI, 1887, стр. 417—450.

языка²⁷. Этот труд, основанный отчасти на изданных, отчасти на рукописных текстах пехлевийского письма и на эпиграфических материалах («Bücher-Pehlevi», «Inscript-Pehlevi»), составил целую эпоху в развитии иранского языкознания и сохраняет свое значение до наших дней. Когда в конце XIX — начале XX в. в Турфанском оазисе (Синьцзян) были найдены манихейские рукописи, в том числе рукописи, написанные на том же среднеперсидском языке, что и пехлевийские тексты, но другой разновидностью письма и без единой идеограммы, весь ученый мир должен был принять точку зрения Залемана об идеограмматическом характере пехлевийского письма. С начала XX в. и до самой смерти К. Г. Залеман занимался найденными в Синьцзяне документами на иранских языках, и ряд его работ этого периода посвящен специально среднеперсидским манихейским текстам и их языку. Введенная Залеманом система транслитерации манихейских текстов еврейским квадратным письмом²⁸ давала возможность более аутентичного воспроизведения оригинала, чем латинская транскрипция западноевропейских ученых (Ф. В. К. Мюллер), и была принята всеми последующими исследователями. Переиздав в указанной системе транслитерации опубликованные Ф. В. К. Мюллером манихейские тексты из Турфана²⁹, Залеман исправил допущенные немецким ученым ошибки и неточности³⁰ и значительно повысил ценность издания включением в него глоссария (с привлечением богатейшего сравнительного материала) и «Индекса окончаний слов»; приложенный к работе раздел «Zur Grammatik» явился блестящим дополнением к его прежней грамматике. В этой же работе Залеманом был сделан ряд весьма важных для иранского языкознания и древнеиранской филологии наблюдений, в частности наблюдение, что в турфанских манихейских текстах представлены (помимо согдийского) по меньшей мере два среднеиранских диалекта — собственно среднеперсидский и еще другой, близко ему родственный³¹. Здесь же им было указано на наличие в манихейских текстах метрических отрывков и на связь их размера с авестийской метрикой, с одной стороны, и ранненовоперсидской — с другой³², — положение весьма важное для истории

²⁷ C. Salemann, *Mittelpersische*, — GiPh, Bd I, Abt. 1, 1895—1901, стр. 249—332.

²⁸ C. Salemann, *Ein Bruchstück manichaeischen Schrifttums im Asiatischen Museum*, — ЗИАН, т. VI, № 6, 1904, стр. 1—26, и последующие работы.

²⁹ C. Salemann, *Manichaeische Studien*, St-Pbg., 1908, ЗИАН, VIII сер., т. VIII, № 10.

³⁰ Ср. рецензии А. Ме́йе (JA, 10 sér., t. XIII, 1909, стр. 312—314) и А. А. Фреймана (ЗВОРАО, т. XIX, 1909, стр. 084—091).

³¹ C. Salemann, *Manichaeische Studien*, стр. 160.

³² Там же, стр. 149, 153, 154.

персидской и таджикской поэзии. Начиная с 1907 г. публикация хранящихся в АМ манихейских текстов на среднеперсидском языке была продолжена Залеманом в серии «Manicha(e)ica»³³. Ряд важнейших трудов Залемана по пехлевистике и среднеперсидскому языку остался неизданным, среди них подготовлявшиеся им на протяжении трех десятилетий «Библиографический обзор парсийских рукописей, хранящихся в Европе»³⁴ и трехтомный пехлевийский словарь-индекс, с исчерпывающей для того времени полнотой представлявший среднеперсидскую лексику³⁵.

Другим направлением деятельности Залемана была работа по изучению новоперсидского языка — языка богатейшей персидско-таджикской классической литературы. Важнейшим результатом работы в этом направлении явилась написанная им в соавторстве с В. А. Жуковским классическая грамматика новоперсидского языка, выдержавшая на протяжении 60 лет четыре немецких издания³⁶. Выше уже говорилось о значении, которое придавал Залеман изучению языка отдельных авторов, писавших на новоперсидском языке. Особое внимание уделялось им изучению памятников средневековой персидской лексикографии (фархангов). Отображая лексический состав языка персидско-таджикской классической литературы, отдельных произведений, отдельных авторов (или групп авторов), создававших свои сочинения в разное время и в разных районах, фарханги дают тем самым богатейший мате-

³³ C. Salemann, Manicha(e)ica, I. (ИИАН, VI сер. т. I, 1907, стр. 175—184); III—IV (там же, т. III, 1912, стр. 1—32 и 33—50). Приложенный к последней публикации словарь дополняет словарь, включенный в «Manicha(e)ische Studien».

³⁴ К. Г. Залеман, О результатах поездки, совершенной летом 1889 г. в Копенгаген, — ЗИАН, т. LXI, 1890, стр. 91—95. Рукопись этого труда под названием «Catalogus librorum et tractatum pehlevicorum» (1908) хранится в архиве ученого. См.: А. Г. Периханян, Карл Германович Залеман, стр. 88—89.

³⁵ Рукопись под названием «Glossarium Pehlevicum curante C. Salemanni» (1912—1913) хранится в архиве ученого. См.: А. Г. Периханян, Карл Германович Залеман, стр. 89. В 20-е годы работа по дополнению и подготовке к изданию этого словаря велась А. А. Фрейманом, который предполагал включить в него среднеиранскую лексику из других источников (согдийских, арамейских, армяно-грузинских). См. Аз. Муз. Памятка, стр. 31; ИАН СССР, VII сер., ОГН, 1928, № 8—10, стр. 483—484; Отчет АН СССР за 1927 г., стр. 207. Последнее известное мне печатное упоминание о работе над этим словарем связано с именем К. Д. Ильиной и относится к 1930 г. См. Отчет АН СССР за 1930 г. (Л., 1931, стр. 238); работа над словарем числилась в планах Иранского кабинета на 1937—1942 гг. (см. ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1937), № 42), но была прервана войной.

³⁶ C. Salemann und V. Shukovski, Persische Grammatik mit Litteratur, Chrestomathie und Glossar, Berlin, 1889 (4-е изд., Leipzig, 1947). Русское издание: К. Г. Залеман и В. А. Жуковский, Краткая грамматика новоперсидского языка с приложением метрики и библиографии, СПб., 1890.

риал для истории персидского и таджикского языков, для персидско-таджикской исторической лексикологии и диалектологии. Залеман предполагал опубликовать целую серию важных лексикографических источников³⁷, однако замысел этот не был доведен до конца и изданы были только словарь Шамс-и Фахри (XIV в.), словарь Абдулкадира Багдадского (XVII в.) к «Шах-наме», а также важное исследование по истории персидской лексикографии³⁸.

К работам по новоперсидскому языку примыкают исследования Залемана в области так называемых еврейско-персидских текстов, лингвистическое значение которых было оценено им еще в 1884 г.³⁹ Эти написанные еврейским письмом на различных диалектных разновидностях персидского языка тексты сохраняют — в отличие от арабографичных памятников новоперсидского литературного языка — ряд архаических форм и диалектных особенностей, проливающих свет на историческую грамматику и историческую диалектологию персидского и таджикского языков; наличие в происходящих из Бухары «еврейско-персидских» текстах огласовки позволило Залеману установить некоторые характерные особенности таджикской фонетики, отличающие ее от персидской, но скрытые в то время от исследователей за оболочкой арабской графики⁴⁰. Оценив по достоинству богатый материал, содержащийся в «еврейско-персидских» текстах петербургских собраний, Залеман задумал издать целую серию этих памятников с переводами, комментарием, указателями слов и т. п., однако издание и этой серии оборвалось уже на первом выпуске, остальные же его работы по «еврейско-персидским» рукописям, с большим нетерпением ожидавшиеся в научном мире, в свет не вышли⁴¹. Залеман первым обратил внимание также на персидский диалектный материал, содержащийся в латино-персидско-куманском словаре XIII в. (*Codex Comanicus*),

³⁷ В архиве ученого сохранились собственноручно сделанные им копии многих фархангов, а также рукописи неопубликованных трудов, посвященных их изучению (см.: А. Г. Периханян, Карл Германович Залеман, стр. 97—98).

³⁸ C. S a l e m a n n, *Shams i Fahrîi Ispahânensis Lexicon Persicum...*, Fasc. prior, textum et indices continens, Casani, 1887; C. S a l e m a n n, *Abdulqâdiri Bagdâdensis lexicon Sahnâmanum...*, t. I, pars. I..., Petropoli, 1895. Рец.: P. H o r n, — ZDMG, Bd 49, 1895, стр. 722—739; C. S a l e m a n n, Bericht über die Ausgabe des Mi'jâr-i Jamâlî, — Mèl. asiat., t. IX, 1888, стр. 417—594+1 табл.

³⁹ См. LOPH, Bd II, 1884, стр. 74—86.

⁴⁰ См., например: C. S a l e m a n n, Zum mittelpersischen Passiv, — ИИАН, V серия, т. XIII, № 3, 1900, стр. 269—276; C. S a l e m a n n, *Judaëo-Persica nach St.-Petersburger Handschriften I. Chûdâidât. Ein jüdisch-buchârâisches Gedicht*, — Mem., VII, sér. t. XLII, № 14, 1897, стр. VI и сл.

⁴¹ Некоторые из них отпечатаны и хранятся в архиве в корректурных и даже чистых листах издания (см.: А. Г. Периханян, Карл Германович Залеман, стр. 94—95).

и дал анализ этого материала в одной из своих тюркологических работ ⁴².

Все отмеченные выше направления работы Залемана — изучение среднеперсидского языка по памятникам пехлевийского и манихейского письма, изучение новоперсидского литературного языка, «еврейско-персидских» текстов — концентрируются вокруг одной большой проблемы — истории персидского и таджикского языков. И хотя общий курс истории языка Залеманом не был создан и не читался, зачатки такого курса можно видеть в его педагогической деятельности, в объяснении «грамматики пехлевийского языка в сравнении с новоперсидским» ⁴³.

Из живых иранских языков Залеман занимался осетинским, памирскими и ягнобским. В его архиве представлены также материалы по таджикскому, афганскому (словарь в карточках), мазандеранскому (словарь в карточках), курдскому, талышскому, татскому и другим иранским языкам. Ему принадлежит работа по системе осетинского глагола и публикация диалектного осетинского текста ⁴⁴, словарь и важное грамматическое исследование по памирским языкам шугнано-рушанской группы, не утратившее своего значения до настоящего времени ⁴⁵. Залеман оказывал всяческую поддержку — научную и организационную — русским и зарубежным исследователям (Е. Ф. Каль, М. С. Андреев, И. И. Зарубин, Р. Готье, Г. Юнкер и др.) в сборе материалов по бесписьменным иранским языкам Средней Азии и сам принял участие в этих работах, совершив с этой целью две научные поездки в Среднюю Азию ⁴⁶. Результатом этих поездок явились обширные словарные и текстовые материалы по ягнобскому, шугнанскому и таджикскому языкам ⁴⁷, списки глаголов и глагольные парадигмы, коллекция фонографических записей ⁴⁸,

⁴² C. Salemann, Zur Kritik des Codex Comanicus, — ИИАН, VI сер., т. IV, 1910, стр. 943—957.

⁴³ Из протоколов заседаний Совета Петербургского университета.

⁴⁴ C. Salemann, Versuch über die Conjugation im Ossetischen, — BVSf, Bd VIII, Abt. I, 1874, стр. 48—91; Mém. asiat. t. X, livr. 2, 1892, стр. 283—286.

⁴⁵ К. Г. Залеман, Шугнанский словарь Д. Л. Иванова, — «Восточные заметки», СПб., 1895, стр. 269—320. О значении этой работы см.: В. С. Соколова, А. Л. Грюнберг, История изучения..., стр. 119—120.

⁴⁶ См. К. Г. Залеман, Новые материалы по ягнобскому языку, — ЗВОРАО, т. III, вып. 1—2, СПб., 1888, стр. 128—129; его же, [Отчет о поездке в Среднюю Азию в 1897 г.], — ИИАН, V сер., т. VIII, № 1, 1898, стр. VI—VIII; его же, Отчет о поездке в Туркестан летом 1908 г., — ИРКСА, № 9, СПб., 1909, стр. 12—14.

⁴⁷ О составе этих материалов см.: А. Г. Периханян, Карл Германович Залеман, стр. 90—93.

⁴⁸ Хранится в Фонограммхиве Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР.

важные грамматические и диалектологические наблюдения⁴⁹. Все эти материалы и наблюдения самим Залеманом не публиковались, но были переданы им другим исследователям и сыграли важную роль в развитии иранского языкознания, составив, в частности, основу соответствующих разделов «Грундрисса»⁵⁰ — грандиозного компендиума, обобщившего достижения иранской филологии к рубежу XIX и XX вв.

Из неопубликованных работ К. Г. Залемана по бесчисленным иранским языкам особое внимание исследователей привлекают доведенные им до корректурных листов «Ягнобские этюды» — наиболее полное до недавнего времени собрание ягнобских материалов с ягнобско-таджикско-русско-немецким словарем (доведенным в корректуре до буквы «к» включительно)⁵¹. Особенно важное значение приобрели ягнобологические работы Залемана с появлением в начале XX в. первых сведений о документах на неизвестном ранее восточноиранском языке, определенном впоследствии как «согдийский». Уже в 1907 г. были установлены с помощью залемановских материалов особо тесные отношения между согдийским и ягнобским, определенным вскоре как «новосогдийский» (Ф. Андреас)⁵². Начиная с этого времени материал «Ягнобских этюдов» широко используется в работах по согдологии и сравнительно-историческому иранскому языкознанию, способствуя успехам согдийской филологии, изучению истории согдийской ветви восточноиранских языков и иранского языкознания в целом. Специально согдийскому языку посвящены две работы Залемана⁵³, заложившие основы согдийской грам-

⁴⁹ Ср., например, наблюдения над глагольной системой и грамматическим родом в шугнанском (см. ИИАН, V сер., т. VIII, № 1, 1898, стр. VII—VIII), сообщение о наличии двух ягнобских говоров (там же, стр. VIII).

⁵⁰ Ср. слова одного из издателей «Грундрисса» — В. Гейгера (W. Geiger): «...я могу, пожалуй, надеяться, что [моя работа] окажется не совсем бесполезной для развития иранской филологии. И если это мне действительно удалось, то я обязан этим в первую очередь деятельной помощи, предоставленной мне Санкт-Петербургом. Господин акад. Залеман сделал доступными для меня не только отпечатанные, но никогда не выходившие в свет материалы, как, например, Дорновы «Материалы к познанию иранских наречий», II, 2 и III, но и самым бескорыстным образом предоставил в мое распоряжение также собственные важные собрания...» (GiPh, Bd I, Abt. 2, 1898—1901, стр. 287).

⁵¹ Помещенный в «Грундриссе» очерк о ягнобском языке почти полностью основан на «Ягнобских этюдах» Залемана (см. GiPh, Bd I Abt. 2, стр. 289). О значении этого труда может говорить тот факт, что спустя полвека после его составления копия словаря из «Ягнобских этюдов» была опубликована в Париже (см.: E. Benveniste, Une lexique du yagnobi, — JA, t. CCXLIII, fasc. 2, 1955, стр. 139—162).

⁵² C. Salemann, Manichaica II, — ИИАН, 1907, VI сер., т. I, № 14, стр. 532; F. Andreas, Zwei soghdische Excursus, — SPAW, XV, 1910, стр. 307—314.

⁵³ C. Salemann, Manichaica II, стр. 531—558; его же, Manichaica V. Beiträge zur christlich-soghdischen Grammatik, 1—6, — ИИАН, 1913, VI сер., т. VII, № 18, стр. 1125—1144. Обе работы основаны на согдийских

матики⁵⁴ и диалектологии⁵⁵ и определившие согдийский язык как одну из форм восточноиранской речи⁵⁶. Еще раньше (1897) Залеманом были установлены особо тесные диалектологические отношения между ягнобским и осетинским языками⁵⁷. В словаре к согдийским текстам, анализируемым в «Manichaica II»⁵⁸, Залеман систематически привлекает к сравнению ягнобскую, осетинскую, шугнанскую и ваханскую лексику, указывая тем самым на диалектные связи между восточноиранскими языками. Наблюдения Залемана о диалектном членении манихейских текстов и о диалектологических отношениях между восточноиранскими языками служат одним из краеугольных камней сравнительно-исторической грамматики иранских языков.

Велико было значение педагогической и научно-организационной деятельности Залемана. Его учениками были В. А. Жуковский, Ф. А. Розенберг, Л. Ф. Богданов, В. А. Иванов, А. А. Ромаскевич, Б. В. Томашевский, А. А. Фрейман и др. Научному руководству и организационной поддержке Залемана во многом обязаны на первых этапах своей деятельности известные впоследствии исследователи иранских языков Средней Азии М. С. Андреев и И. И. Зарубин. Помощью и научными консультациями Залемана пользовались многие выдающиеся его современники — востоковеды и иранисты — В. Ф. Миллер, В. В. Бартольд, Я. И. Смирнов и многие другие. По инициативе и часто под непосредственным наблюдением К. Г. Залемана в АН был подготовлен и издан ряд важнейших трудов по иранскому (и не только иранскому) языкознанию⁵⁹. С именем Залемана связано утверждение в отечественной науке историко-сравнительного иранского языкознания, и теперь, через полстолетия после его кончины, от-

текстах христианского содержания, писанных сирийским письмом. Небольшой согдийский фрагмент манихейским письмом из собрания АМ издан Залеманом в «Manichaica I» (ИИАН, 1907, стр. 177).

⁵⁴ Ср., например, анализ глагольной системы языка христианско-согдийских текстов, ИИАН, 1907, стр. 553—555; то же, 1913, стр. 1137—1144), открытие категории рода (там же, стр. 1131 и сл.) и т. д. Залеман оказал также большую помощь Готье в его работе над согдийской грамматикой (см.: R. Gauthiot, *Essai de grammaire sogdienne*, I, Paris, 1914—1923, стр. XVIII).

⁵⁵ См. ИИАН, 1913, стр. 1128—1129.

⁵⁶ Там же, 1907, стр. 558.

⁵⁷ Там же, стр. 532.

⁵⁸ Там же, стр. 537 и сл.

⁵⁹ Среди них: В. Жуковский, *Материалы для изучения периодических наречий*. I, СПб., 1888; W. Miller, R. von Stackelberg, *Fünf ossetische Erzählungen in digorischem Dialekt*, St.-Pbg., 1891; В. Миллер, *Материалы для изучения еврейско-татского языка*, СПб., 1892; Fr. Rosenberg, *Le livre de Zoroastre (Zarātusht-Nāma) de Zartusht-i Bahrām ben Pajdū...*, St.-Pbg., 1904; М. С. Андреев и А. А. Половцев, *Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишканим и Вахан*, СПб., 1911 (сб. МАЭ, вып. 9); Hugo Makas, *Kurdische Texte im Kurmānġi-Dialekte aus der Gegend von Mārdin*, Leningrad, 1926, и др.

четливо выявляется развитие тех направлений, начало которым было положено его деятельностью.

Преемником Залемана на посту директора АМ — ИВ был С. Ф. Ольденбург. Индолог по основной своей специальности и крупнейший организатор науки, Ольденбург оставил свой след и в развитии иранской филологии. Результатом организованных им двух экспедиций в Восточный Туркестан (1909—1910 и 1914—1915) явилось, в частности, обогащение коллекций АМ рядом фрагментов на древних восточноиранских языках. По инициативе и часто с предисловиями С. Ф. Ольденбурга были изданы в 20—30-е годы многие труды по иранскому языкознанию, с его именем связаны организация Иранского кабинета ИВ, Таджикистанской базы АН СССР (1933) и развертывание здесь работ по иранской филологии.

Ученик К. Г. Залемана и долголетний (1902—1931) сотрудник АМ, Ф. А. Розенберг (1867—1934)⁶⁰ продолжал работы в области согдологии и пехлевистики, зороастризма и парсийской литературы. Им были опубликованы три фрагмента согдийско-буддийских документов из собрания АМ — два фрагмента, добытых экспедицией С. Ф. Ольденбурга в Дуньхуане, и один из коллекции Н. Н. Кроткова⁶¹, а также ряд статей и рецензий, посвященных истории Согда, памятникам согдийской письменности и языка⁶², пехлевийской эпиграфике⁶³. Ему же принадлежат две работы, посвященные сравнительной грамматике иранских языков⁶⁴, краткий обзор персидских рукописей, памятников древнеиранской письменности и материалов по иранской диалектологии, хранящихся в АМ⁶⁵.

⁶⁰ О нем: ИРАН, т. XVII, 1923, стр. 369—370; И. Ю. Крачковский, Избранные сочинения, т. V, М.—Л., 1958, стр. 372—385.

⁶¹ Fr. Rosenberg, Deux fragments sogdien-bouddhiques du Ts'ien-fo-tong de Touen-houang (Mission S. d'Oldenburg, 1914—1915. I. Fragment d'un conte, — ИРАН, т. XII, 1918, стр. 817—842; II. Fragment d'un sûtra, — ИРАН, т. XIV, 1920, стр. 399—420, 455—474; Fr. Rosenberg, Un fragment sogdien bouddhique du Musée Asiatique (Kr. IV. Soghd. 4), — ИАН СССР, VI сер. т. XXI, 1927, стр. 1375—1398.

⁶² Ф. А. Розенберг, О согдийцах, — ЗКВ, т. I, 1925, стр. 81—90; Ф. А. Розенберг, Согдийские «старые письма». К ранней истории согдийских колоний Центральной Азии, — ИАН СССР, сер. VII, ООИ, № 5, 1932, стр. 445—469. См. также рецензии Розенберга на издание согдийских документов Британского музея (OLZ, 32, 1929, стр. 194—201; OLZ, 1932, № 12, стр. 758—763); Fr. Rosenberg, Sogdica, I—II, — «Prace lingwistyczne ofiarowane Janowi Baudouinowi de Courtenay dla uczczenia jego działalności naukowej 1868—1921», Kraków, 1921, стр. 94—96; его же, Notes sogdiennes, — ИАН СССР, сер. VII, 1931, стр. 627—635.

⁶³ Ф. А. Розенберг, Неизданное сасанидское блюдо с пехлевийским граффито, — ЗКВ, т. V, 1930, стр. 137—144.

⁶⁴ Ф. [А.] Розенберг, О показателях множественности в языках согдийской группы, — ЯС, II, Пг., 1923, стр. 1—17; его же, Материалы по двадцатому счету, — «Языковедные проблемы по числительным», Л., 1927, стр. 165—170.

⁶⁵ См.: Аз. Муз. Памятка, стр. 20—23, 28—32.

Исследования проф. В. А. Жуковского (см. стр. 350, прим. 43), одного из основоположников петербургской иранистической школы, в области изучения живой персидской речи, персидского народного творчества и диалектологии Ирана оказали мощное воздействие на развитие этой отрасли знания как в нашей стране, так и за рубежом. Из учеников В. А. Жуковского, продолжавших это направление, должны быть названы в первую очередь В. А. Иванов⁶⁶ и А. А. Ромаскевич⁶⁷, еще в дооктябрьский период (1912—1915) собравшие материалы по фольклору и диалектам Ирана.

А. А. Ромаскевич (1885—1942) вел начиная с 1915 г. и до последних дней своей жизни преподавание персидского языка в университете и ЛИЖВЯ — ЛВИ и опубликовал несколько учебных пособий по персидскому языку⁶⁸, впервые позволивших построить на научной базе преподавание современного персидского языка и отойти от традиции, по которой преподавание ограничивалось изучением языка классиков. Эти пособия сохраняли свое значение вплоть до 50-х годов нашего века. Учениками А. А. Ромаскевича по персидскому языку были Е. Э. Бертельс, А. К. Арендс и многие другие иранисты, работавшие и работающие в ИВ.

Интерес к изучению живой персидской речи и фольклору народов Ирана был воспринят от В. А. Жуковского и младшим из его учеников по университету — Ю. Н. Марром (1893—1935)⁶⁹, работавшим в начале 20-х годов в АМ.

⁶⁶ См. В. А. Иванов, Несколько образцов персидской народной поэзии, — ЗВРАО, т. XXIII, 1915, стр. 33 и сл.; его же, Краткая опись материалов для изучения персидских наречий и говоров, собранных в 1912—1914 годах в Персии, — ИРАН, 1918, стр. 411—412. Более поздние труды В. А. Иванова публиковались в зарубежных изданиях (см. «List of Publications by W. Ivanow up to 1-st January 1962», б. г., б. м.). Часть архива В. А. Иванова хранится в Библиотеке Восточного факультета ЛГУ (см. УЗ ЛГУ, № 296, СВН, вып. 13, 1960, стр. 187), часть — в АВ (ф. 19).

⁶⁷ См.: А. А. Ромаскевич, Персидские народные четверостишия, I, — ЗВРАО, т. XXIII, 1916, стр. 313—347; его же, II, — ЗВРАО, т. XXV, 1921; его же, III, — ЗКВ, III, 1928, стр. 305—366; его же, Лар и его диалект, — «Иранские языки», I, М.—Л., 1945, стр. 31—86; его же, К вопросу о жаргоне иранских дервишей, — там же, стр. 141—144; см. также: А. А. Ромаскевич, Persica. Опись материалов по фольклору и диалектологии, собранных в Персии в 1912—1914 гг., — ИРАН, 1919, стр. 451—452; его же, К диалектологии Персии, — ДРАН-В, 1924, стр. 122—125, и другие работы. Запланированная А. А. Ромаскевичем работа над словарем персидских наречий [см. план Иранского кабинета ИВ на 1938—1942 гг. ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1937), ед. хр. 42] прервалась с преждевременной гибелью ученого в блокаде Ленинграда.

⁶⁸ А. А. Ромаскевич, Современная персидская пресса в образцах, вып. 1—2, Л., 1924—1931; его же, Персидско-русский словарь к современной персидской прессе в образцах, вып. 1 и 2, Л., 1931.

⁶⁹ О нем: И. В. Мегрелидзе, Юрий Николаевич Марр (его жизнь и деятельность), — Ю. Н. Марр, Статьи, сообщения и резюме докладов, I, М.—Л., 1936, стр. V—XVI (там же, стр. XVIII—XXI — список трудов); Е. Э. Бертельс, Ю. Н. Марр и персидская литература, — ТТбГУ, т. 108, 1964, стр. 61—66. Архив Ю. Н. Марра хранится в ЛО ИВ.

Ю. Н. Марру принадлежит несколько работ о персидской фонетике⁷⁰, о народном творчестве на различных языках и диалектах Ирана⁷¹ и т. п. Под его редакцией и при непосредственном его участии вышла в свет хрестоматия персидского языка с персидско-грузинско-русским словарем⁷², ему же принадлежат наброски лекций и опыт программы занятий по персидскому языку⁷³. Ценность этих пособий, написанных бесспорно большим знатоком персидского языка и реальной жизни современного ему Ирана, снижается, однако, неудачной системой «аналитического» письма, яфетидологическими увлечениями автора.

Придавая словарной работе большое значение, Ю. Н. Марр был инициатором и участником нескольких начинаний по персидской лексикографии. Им был задуман коллективный труд по составлению словаря живого персидского языка, материалы к которому предполагалось издавать отдельными выпусками. Издание оборвалось, однако, уже на первом выпуске⁷⁴ и не нашло впоследствии своего продолжения. Оборвалась с кончиной Ю. Н. Марра и начатая им работа по составлению документированного персидско-русского словаря. Вышедший в свет I выпуск этого труда⁷⁵ весьма интересен попыткой ввести в словарь подробное (подчас с чертежами) истолкование реалий, бытовых и этнографических терминов и т. п.⁷⁶ По его же инициативе в начале 20-х годов была начата работа по составлению исторического словаря персидского языка, в основе которого должны были лежать словари к произведениям отдельных авторов (Низами и др.). Однако иранистических сил для выполнения столь грандиозных трудов в то время было явно недостаточно, методы составления таких словарей не были разработаны, и работа над историческим словарем, как и дру-

⁷⁰ Ю. Н. Марр, О произношении *ق/غ* в живом персидском, — Ю. Н. Марр, Статьи, сообщения и резюме докладов, I, М.—Л., 1936, стр. 43—47; его же, Выражение фонетики стиха в персидском письме, — ИАН, СССР, 1934 № 2, стр. 137—178 (то же в сокращенном виде в кн. «С. Ф. Ольденбургу...», стр. 232—335).

⁷¹ См., например, Ю. Н. Марр, Образец бахтиярской литературы, — ДАН-В, 1927, стр. 55—58.

⁷² В. С. Путуридзе, Начальная хрестоматия персидского языка, М.—Л., 1935.

⁷³ См. Ю. Н. Марр, Статьи и сообщения, II, М.—Л., 1939, стр. 173 и сл., 242 и сл.

⁷⁴ А. К. Арендс, Персидско-русский словарь физических терминов, Л., 1928 (Материалы для словаря живого персидского языка, I). См. предисловия С. Ф. Ольденбурга и Ю. Н. Марра к этому выпуску.

⁷⁵ Ю. Н. Марр, Документированный персидско-русский словарь, — вып. I, Тифлис, 1934 (литография).

⁷⁶ Такое же стремление наблюдается и в вышеупомянутых «Лекциях по персидскому языку».

гие лексикографические начинания Марра, оборвалась в самом начале⁷⁷.

В 20-е годы деятельность ленинградских иранистов сосредоточивалась в КВ при АМ. В числе ее учредителей и активных членов были такие видные иранисты, как В. В. Бартольд, Ф. А. Розенберг, А. А. Фрейман, И. А. Орбели, И. И. Зарубин, Е. Э. Бертельс⁷⁸. Среди обширного научного наследства крупнейшего историка Ирана и Средней Азии В. В. Бартольда имеется и несколько статей, посвященных проблемам иранской филологии⁷⁹. В. В. Бартольд был организатором и редактором сборников «Иран», где были напечатаны в конце 20-х годов многие работы по иранской филологии и иранскому языкознанию.

Несколько работ, затрагивающих проблемы иранского языкознания (с позиций «нового учения» о языке), оставил также принимавший активное участие в работе коллегии Н. Я. Марр⁸⁰. Иранистические работы И. А. Орбели посвящены преимущественно истории культуры и курдоведению. В рамках данной статьи должен быть отмечен также выполненный им (в соавторстве с К. В. Тревер) перевод среднеперсидского текста о шахматной игре⁸¹.

* * *

В 20—30-е годы в Ленинграде складываются два основных направления иранистических исследований, две школы, деятельность которых в значительной мере определила дальнейшее развитие иранской филологии и иранского языкознания в нашей стране. Одно из этих направлений связано с именем И. И. Зарубина — создателя советской школы исследователей живых иранских языков и диалектов⁸². Деятельность И. И. Зарубина и его учеников (В. С. Расторгуевой, В. С. Соколовой и др.) протекала главным образом в Институте языкознания (б. ИЯМ) АН СССР и нашла свое отражение в ряде

⁷⁷ См.: Е. Э. Бертельс, Ю. Н. Марр и персидская литература, стр. 63.

⁷⁸ См. ЛО ААН, ф. 68, оп. 1, № 432, л. 186.

⁷⁹ См., например: В. В. Бартольд, К вопросу об языках согдийском и тохарском, — «Иран», т. I, 1927, стр. 29—41; его же, Персидское *арк* «крепость, цитадель», — ИРАИМК, т. I, 1921, стр. 29—32, и другие работы.

⁸⁰ См., например: Н. Я. Марр, *Ossetica-Japhetica*. [I], — ИРАН, 1918, стр. 2069—2100, 2307—2310; его же, II, — ИАН СССР, 1927, стр. 433—440; его же, Нужно ли знать факты (мысли по осмыслению вежливых способов обращений в современной Персии), — ЗИВАН, т. I, 1932, стр. 201—211.

⁸¹ И. А. Орбели и К. [В.] Тревер, Шатранг. Книга о шахматах, Л., 1936.

⁸² См. В. С. Расторгуева, И. И. Зарубин-лингвист, — «Ир. сб.», стр. 15 и сл.

первоклассных работ по современным иранским языкам и диалектам, представленным на территории Советского Союза⁸³.

В стенах АМ — ИВ получило преимущественное развитие другое — историко-филологическое, сравнительно-историческое направление, возглавленное после смерти акад. Залема — его учеником А. А. Фрейманом (1879—1968)⁸⁴.

С АМ — ИВ А. А. Фрейман был связан на протяжении всей своей творческой жизни. Начав свою деятельность здесь с библиографической и словарной работы еще в студенческие годы, Фрейман продолжал впоследствии выполнять различные работы на общественных началах⁸⁵ и лишь в 1934 г. вошел в штат института (с 1945 г. — зав. Иранским сектором), сотрудником которого оставался до середины 50-х годов.

Основным направлением шестидесятилетней научной деятельности А. А. Фреймана были исследования в области истории, сравнительно-исторической грамматики и исторической диалектологии иранских языков. Важнейшую задачу иранского языкознания А. А. Фрейман видел в создании историко-сравнительной грамматики и этимологического словаря иранских языков — трудов, которые могли бы показать процесс закономерного исторического развития этой языковой семьи как единой системы⁸⁶. Этой задаче посвящены в конечном счете все работы Фреймана, будь то описание и научное издание памятников пехлевийской письменности⁸⁷, публикация согдийских документов, этимологические исследования⁸⁸, ра-

⁸³ См. ОИИИЯ, См. также: Расторгуева, Иранские языки, — «Советское языкознание за 50 лет», М., 1967, стр. 171—190.

⁸⁴ О нем: С. Ольденбург, Ф. Щербатской, И. Крачковский, Записка об ученых трудах проф. А. А. Фреймана, — ИАН СССР, сер. VII, 1928, № 8—10, стр. 483—485; И. М. Оранский, Александр Арнольдович Фрейман (к 80-летию со дня рождения), — ПВ, 1959, № 4, стр. 217—222 (с библиографией трудов); его же, Александр Арнольдович Фрейман, — КСИНА, 67, 1963 (выпуск, посвященный 85-летию со дня рождения и 65-летию научно-педагогической деятельности члена-корр. АН СССР А. А. Фреймана), стр. 3—10 (там же дополнения к библиографии); его же, Памяти учителя, — НАА, 1968, № 3, стр. 224—227.

⁸⁵ В том числе и такие большие работы, как дополнение и редактирование «Осетинско-русско-немецкого словаря» В. Ф. Миллера. См. ИАН СССР, ООИ, 1935, стр. 299, прим. 1.

⁸⁶ См. А. А. Фрейман, Задачи иранской филологии, — ИАН СССР, ОЛЯ, т. V, вып. 5, 1946, стр. 386.

⁸⁷ См., например: A. Freiman, *Pand-nāmak i Zaratušť. Der Pahlavī text mit Übersetzung, kritischen und Erläuterungsnoten*, — WZKM, Bd XX, 1906, стр. 149—166, 237—280; его же, *Andarz i kōtakān*, — «The Dastur Hoshang Memorial Volume...», Bombay, 1918, стр. 482—489; его же, Пехлевийские папирусы и другие вещественные памятники иранской культуры в Музее изящных искусств в Москве, — ИРАН, т. XII, 1918, стр. 1925—1928.

⁸⁸ А. Фрейман, *Авестское mərəzu*, — ИРАН, т. XII, 1918, стр. 881—887; его же, К этимологии персидской частицы *bi...*, — ЗКВ, I, 1925, стр. 372—374; его же, Название Черного моря в домусульманской Персии, — ЗКВ, V, 1930, стр. 647—651; его же, Пленный враг Дария — скиф Скуних, — ИАН СССР, ОЛЯ, т. VII, вып. 3, 1948, стр. 235—240;

зыскания в области пехлевийской лексикографии⁸⁹, хорезмийской грамматики⁹⁰, согдо-хорезмийских диалектологических отношений⁹¹ или ирано-славянских языковых связей⁹².

Духом историзма, историческим подходом к фактам и явлениям иранских языков проникнуты и более общие работы Фреймана, посвященные среднеперсидскому языку⁹³, проблематике иранской филологии и иранского языкознания⁹⁴, критические выступления против попыток привнесения в иранское языкознание антиисторических концепций «нового учения о языке»⁹⁵.

В области изучения живых иранских языков наибольшее значение имела работа А. А. Фреймана по дополнению и редактированию оставшегося после кончины акад. В. Ф. Миллера в карточках осетинско-русско-немецкого словаря. В результате длительной (1923—1934 гг.) работы в тесном сотрудничестве с представителями осетинской общественности как на местах (поездки в Осетию в 1925, 1926, 1929 гг.), так и в Ленинграде А. А. Фрейману удалось почти вдвое увеличить объем словаря, обогатить его фразеологией, пословицами, поговорками, цитатами из произведений осетинского народного творчества, осетинских писателей и поэтов. Сбор, обработка и включение в словарь всего этого обширного материала позволили не только расширить словник, но и документировать словоупотребление, иллюстрировать значение каждого слова. Особое значение имеет то обстоятельство, что словарь охватывает лексику и фразеологию обоих основных диалектов осетинского языка — иронского и дигорского. Вышедший в свет в трех томах словарь⁹⁶ послужил прочным фундаментом

его же, К этимологии согдийского Деваштич, — ИАН СССР, ОЛЯ, т. XI, вып. 5, 1952, стр. 461—462; его же, Таджикское *пӯст* — «кожа, кожура, кора, оболочка, скорлупа, шелуха, шура», — СВ, 1958, № 6, стр. 77—81 и др. работы.

⁸⁹ А. Фрейман, Существует ли «среднеазиатский» термин в сасанидском судебнике? — ИРАН, т. XII, стр. 311—312; его же, Заметки по псхлевийской лексикографии, — там же, стр. 761—770.

⁹⁰ А. Фрейман, Образование прошедшего времени в хорезмийском языке, — УЗ ЛГУ, СФН, вып. 6 (№ 60), 1940, стр. 22—31; его же, Артикль в хорезмийском языке, — СВ, V, 1948, стр. 191—197.

⁹¹ А. Фрейман, Согдо-хорезмийские диалектологические отношения (опыт сравнительной характеристики), — СВ, IV, 1947, стр. 157—170.

⁹² А. Фрейман, Ирано-славянские заметки, — ДРАН-В, 1924, стр. 47—50.

⁹³ А. Фрейман, Среднеперсидский язык и его место среди иранских языков, — «Восточные записки», т. I, Л., 1927, стр. 46—59.

⁹⁴ См. ИАН СССР, ОЛЯ, т. V, вып. 5, 1946, стр. 373—386; т. X, вып. I, 1951, стр. 50—65.

⁹⁵ См., например: А. Фрейман, О показателях множественности -t, -išt, -ēv, -iv в северной (скифской) группе иранских языков (по поводу статьи Ф. А. Розенберга «О показателях множественности в языках согдийской группы»), — ИОРЯС РАН, т. XXIX, 1924, стр. 397—406.

⁹⁶ Вск. Ф. Миллер, Осетинско-русско-немецкий словарь под редакцией и с дополнениями А. А. Фреймана, т. I—III, Л., 1927—1934.

для развития осетинской лексикографии и, по отзыву специалистов, занял в осетинской литературе приблизительно такое же место, как словарь Даля в русской⁹⁷. В многочисленных рецензиях на словарь неоднократно подчеркивалось также значение его для иранского языкознания в целом⁹⁸. Во время поездок в Осетию, связанных с работой над словарем, Фрейманом были произведены также записи осетинских (преимущественно дигорских) фольклорных текстов (не опубликованы), установлены некоторые диалектные особенности южноосетинских говоров, проведены наблюдения над осетинским ударением⁹⁹. В этот же период им велась работа над русско-осетинским словарем, в котором должна была найти, в частности, свое отражение дигорская акцентуация. В связи с работой над словарем стоят и другие осетиноведческие исследования Фреймана¹⁰⁰.

30-е годы были ознаменованы введением в науку ценнейших материалов по двум древним иранским языкам Средней Азии — согдийскому и хорезмийскому. После первых находок согдийских документов на горе Муг (верховья Зеравшана) туда была направлена в 1933 г. возглавленная Фрейманом экспедиция, добывшая целую коллекцию уникальных памятников согдийского языка и письменности — первых согдийских документов, происходящих с территории собственно Согдианы. Доклады и сообщения Фреймана о найденных в Таджикистане согдийских рукописях¹⁰¹, а также вышедший вскоре в свет «Согдийский сборник» с описью документов и первыми результатами их дешифровки¹⁰² открыли новый этап в развитии согдологии. По словам Крачковского, «это было торжество — торжество экспедиции, обогатившей науку невиданными материалами, и торжество самой науки, показательно говорившей о своей мощи, которая на глазах всех

⁹⁷ См., например: Б. В. Миллер, Труды русских ученых в области иранского языкознания, — Уч. зап. МГУ, вып. 107, 1946, стр. 74; К. Е. Гагкаев, Александр Арнольдович Фрейман как редактор «Осетинско-русско-немецкого словаря» В. Ф. Миллера, — «ИСОНИИ», т. XXIII, вып. 1, 1962, стр. 143—150; Т. З. Козырева, Из истории осетинской лексикографии, — там же, т. XXIV, вып. 1, 1964, стр. 154—156.

⁹⁸ См., например, рец. А. Мейе (BSLP, vol. XXXI, 1931, стр. 74—75).

⁹⁹ См. В. Ф. Миллер, Осетинско-русско-немецкий словарь, т. II, 1929, стр. II—III.

¹⁰⁰ A. Freiman, Ossetica, — RO, t. III, 1927, стр. 158—163; его же, Забытые осетинские числительные, — в кн. «С. Ф. Ольденбургу», стр. 561—564 и др. работы.

¹⁰¹ В том числе доклад на Международном конгрессе востоковедов в Тегеране (1934).

¹⁰² См. А. А. Фрейман, Находка согдийских рукописей и памятников материальной культуры в Таджикистане (предварительное сообщение), — «Согд. сб.», Л., 1934, стр. 7—17; его же, Опись рукописных документов, извлеченных из развалин здания на горе Муг в Захматабадском районе Таджикской ССР около селения Хайрабад и собранных Таджикстанской базой АН СССР, — там же, стр. 33—51.

как бы поднимала наши знания на высшую ступень»¹⁰³. Начатая с этого времени Фрейманом работа по дешифровке и публикации согдийских документов с горы Муг была продолжена в конце 50-х — начале 60-х годов его учениками — О. И. Смирновой, М. Н. Боголюбовым и В. А. Лившицем. Работы советских ученых, посвященные публикации отдельных документов, были собраны в 60-е годы в трех выпусках серии «Согдийские документы с горы Муг», представляющей полное издание этой коллекции¹⁰⁴. Одновременно было подготовлено факсимильное издание¹⁰⁵.

Открытие и публикация Мугской коллекции документов (частная и дипломатическая переписка, юридические и хозяйственные документы, согдийский календарь и т. д.), относящихся к первой четверти VIII в. н. э., сыграли и продолжают играть выдающуюся роль в исследованиях по истории и истории культуры Средней Азии, по согдийскому языку и письменности, по иранскому языкознанию в целом. Поскольку язык этих документов оказался в основном идентичным языку ранее найденных в Восточном Туркестане буддийских текстов, написанных тем же письмом, было окончательно подтверждено, что эти последние также являются согдийскими. Находки на горе Муг стимулировали новые археологические экспедиции в область древнего Согда, дали новую жизнь развитию таких отраслей науки, как палеография Средней Азии, согдийская эпиграфика и нумизматика¹⁰⁶.

Одновременно с работой над мугскими документами А. А. Фрейманом (с помощью О. И. Смирновой) велась подготовка к составлению согдийского словаря. В 1936 г. была закончена роспись всех изданных к тому времени согдийских текстов и составлена картотека, охватывающая примерно 2 тыс. словарных гнезд¹⁰⁷. Работа над пополнением этой картотеки продолжалась и в последующие годы, но не получила своего завершения. Не получила своего завершения и работа

¹⁰³ И. Ю. Крачковский. Избр. сочинения, т. I, 1955, стр. 114.

¹⁰⁴ Вып. I: А. А. Фрейман. Описание, публикации и исследование документов с горы Муг, М., 1962; вып. II: Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица, М., 1962; вып. III: Хозяйственные документы. Чтение, перевод и комментарии М. Н. Боголюбова и О. И. Смирновой, М., 1963.

¹⁰⁵ «Корпус ираноязычных надписей», ч. II. Надписи селевкидского и парфянского периодов и надписи Восточного Ирана и Средней Азии, т. III. Фотоальбом. Документы с горы Муг, М., 1963.

¹⁰⁶ См., например, А. А. Фрейман, Согдийская надпись из Старого Мерва, — ЗИВАН СССР, т. VII, 1939, стр. 296—302; его же, Древнейшая согдийская надпись, — ВДИ, 1939, № 3, стр. 135—136; его же, Печать при документе 5 В-4 (из собрания согдийских документов с горы Муг), — ПВ, 1960, № 3, стр. 212—214, и другие работы; О. И. Смирнова, Согдийские монеты как новый источник для истории Средней Азии, — СВ, VI, 1949, стр. 357 и сл.

¹⁰⁷ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1936), № 35.

над «Иранским этимологическим словарем», стоявшая в перспективном плане Иранского кабинета ИВ на 1937—1942 гг.¹⁰⁸ и прерванная войной. Роспись согдийских и среднеперсидских (манихейских) текстов для этого словаря велась с середины 30-х годов Л. А. Хетагуровым¹⁰⁹.

В 1936 г. собрание ИВ обогатилось важнейшим источником для изучения другого древнеиранского языка Средней Азии — хорезмийского. Этим источником послужила рукопись XIV в., содержащая арабоязычное сочинение хорезмийского законоведа XIII в. ал-Газмини с хорезмийскими глоссами и толкованием этих глосс на арабском и персидском языках¹¹⁰. Исследования содержащегося в этих глоссах языкового материала, начатые в конце 30-х годов А. А. Фрейманом¹¹¹, были изданы впоследствии отдельной книгой¹¹² — трудом, вернувшимся, по словам рецензента, к жизни, казалось, навсегда ушедший хорезмийский язык¹¹³ и установившим его родственные связи с другими восточноиранскими языками. Исследованию хорезмийского языкового материала посвящена и последняя из опубликованных статей А. А. Фреймана¹¹⁴.

Очень большое значение имела педагогическая деятельность Фреймана, организовавшего с первых лет Советской власти преподавание на разряде (впоследствии кафедре) иранской филологии Петроградского — Ленинградского университета и создавшего советскую школу древнеиранской филологии и сравнительно-исторического иранского языкознания. Развитие иранистической науки и особенно введение в научный обиход материалов на среднеиранских языках (среднеперсидский, согдийский и др.) уже с конца XIX — начала XX в. настоятельно требовали объединения в составе одной кафедры всех иранистических дисциплин, традиционно разобщенных до Великой Октябрьской революции между кафедрами санскритской (авестийский, древне- и среднеперсидский языки) и персидской (новоперсидский язык и литература) словесности. Установка на историко-сравнительное изучение иранской языковой семьи требовала также привлечения к числу изучаемых дисциплин возможно большего круга древних и современных иранских языков, углубленного изучения их

¹⁰⁸ Там же, оп. 1 (1937), № 42.

¹⁰⁹ Там же, оп. 3, № 336, лл. 29, 32.

¹¹⁰ См. С. Л. Волин, Новый источник для изучения хорезмийского языка, — ЗИВАН, т. VII, 1939, стр. 79—91.

¹¹¹ См. А. А. Фрейман, Хорезмийский язык, — там же, стр. 306—319.

¹¹² А. А. Фрейман, Хорезмийский язык. Материалы и исследования. I, М.—Л., 1951.

¹¹³ См. рец. М. Н. Боголюбова (ВЯ, 1953, № 6, стр. 147—151).

¹¹⁴ А. А. Фрейман, О некоторых особенностях фонетики и орфографии хорезмийского языка, М., 1960 (XXV МКВ, ДД СССР). Перепечатано в RO, t. XXV, Zesz. 1, 1961, стр. 139—143.

истории. Последнее неизбежно увязывалось с изучением памятников древнеиранской письменности, их чтением и интерпретацией, со всем комплексом проблем древнеиранской филологии. Осуществление в 20—30-е годы этой научно-педагогической установки на кафедре иранской филологии ЛГУ¹¹⁵ сыграло важнейшую роль в становлении и развитии школы сравнительно-исторического иранского языкознания в нашей стране. Из этой школы вышли Л. А. Хетагуров (1901—1942)¹¹⁶, Е. К. Бахмутова, В. И. Абаев¹¹⁷, О. И. Смирнова, М. Н. Боголюбов, Т. З. Козырева, К. В. Кауфман, В. А. Лившиц, И. М. Оранский, С. И. Баевский, М. А. Салахетдинова, В. В. Кушев, Л. П. Смирнова, А. Л. Грюнберг, Т. Н. Пахалина, М. И. Исаев, Р. Л. Цаболов, В. А. Капранов, С. Н. Соколов, А. Н. Рагоза и многие другие иранисты. В той или иной мере получили у Фреймана подготовку и многие специалисты по современным иранским языкам и диалектам — А. З. Розенфельд, В. С. Расторгуева, В. С. Соколова, В. И. Завьялова, Б. Н. Ниязмухаммедов, М. Ф. Фазылов, Д. Т. Таджиев и другие, а также лица, специализировавшиеся в области истории персидской и таджикской литературы (Е. Э. Бертельс, А. Н. Болдырев, А. Т. Тагирджанов и др.) и истории материальной культуры и искусства (К. В. Тревер, М. М. Дьяконов). По инициативе Фреймана в 1931 г. в ЛИФЛИ был создан курдский цикл, сыгравший важную роль в развитии курдского языкознания. Многие из перечисленных иранистов работают или в разное время работали в коллективе ИВ.

Исследования в области согдологии были продолжены трудами С. И. Климчицкого (1900—1942?)¹¹⁸, О. И. Смирновой, М. Н. Боголюбова, К. В. Кауфман, В. А. Лившица. Помимо упоминавшейся уже работы по публикации согдийских документов с горы Муг им принадлежит ряд исследований в области согдийской грамматики¹¹⁹ и лексики¹²⁰, в области

¹¹⁵ Кафедра иранской филологии ЛГУ была, по-видимому, первым учебно-научным центром, преодолевшим традиционный разрыв между преподаванием древне- и новоиранских языков.

¹¹⁶ Биографические сведения о нем см.: ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 643.

¹¹⁷ О нем: М. И. Исаев, Славный путь ученого, — «ИСОНИИ», т. XXII, вып. 1, 1960, стр. 5—28 (с портретом; стр. 22—28 — библиография работ В. И. Абаева); его же, В. И. Абаев как крупнейший иранист-осетиновед, — «ИЮОНИИ», вып. IX, 1958, стр. 396—414 (стр. 407—414 — список трудов); З. В. Ванев, В. И. Абаев и вопросы истории Осетии, — там же, вып. X, 1960, стр. 30—48.

¹¹⁸ Биографические сведения о нем см.: ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 301.

¹¹⁹ См. М. Н. Боголюбов, Прошедшее время с морфемой «z» в согдийском языке, — ВЛУ, 1960, № 14, стр. 140—141; его же, Согдийские документы с горы Муг (языковые данные), М., 1960 (XXV МКВ, ДД СССР). См. также: «Согдийские документы с горы Муг», вып. III, М., 1963, стр. 16—23.

¹²⁰ См.: С. И. Климчицкий, Название Согдианы в топонимике

истории согдийского языка¹²¹. Вопросами согдийской нумизматики и топонимики занимается в течение ряда лет О. И. Смирнова¹²², согдо-ягнобскими диалектологическими отношениями — С. И. Климчицкий¹²³ и М. Н. Боголюбов¹²⁴, согдийской палеографией и эпиграфикой — О. И. Смирнова (в связи с нумизматикой), И. М. Дьяконов, В. А. Лившиц и К. В. Кауфман¹²⁵. Изучением согдийских фрагментов коллекции ИВ занимается в настоящее время А. Н. Рагоза.

Исследования в области хорезмийского языка были продолжены М. Н. Боголюбовым и В. А. Лившицем. М. Н. Боголюбову принадлежит ряд работ, посвященных исследованию хорезмийского языкового материала, дошедшего до нас в арабской графике¹²⁶. В. А. Лившиц (совместно с С. П. Тол-

Таджикистана, — ЗИВАН, т. VI, 1937, стр. 9—13; О. И. Смирнова и М. Н. Боголюбов, О согдийском Деваштич, — СВ, 1955, № 3, стр. 142—143; О. И. Смирнова, О титуловании согдийских правителей, — ДМ, 1962, стр. 393—398; В. А. Лившиц, Согдийские слова в таджикском языке, — «Изв. АН ТаджССР», ООН, 1957, № 12, стр. 31—43.

¹²¹ М. Н. Боголюбов, Именное предложение и связка, — ИАН СССР, ОЛЯ, т. VII, вып. 4, 1948, стр. 350—352 (по материалам кандидатской диссертации «Связка 3-го л. ед. ч. в согдийском языке, ее исторические корни и типологические параллели» (1948); К. В. Кауфман, Некоторые вопросы истории согдийского языка, — «ТИЯЗ», т. VI, 1956, стр. 459—498.

¹²² О. И. Смирнова, О трех согдийских монетах, — ВДИ, 1939, № 1, стр. 116—120; ее же, Монеты из раскопок древнего Пянджикента (1947), — МИА СССР, № 15, стр. 224—231; ее же, Согдийские монеты собрания нумизматического отдела Гос. Эрмитажа, — ЭВ, IV, 1951, стр. 3—23; ее же, Материалы к сводному каталогу согдийских монет, — ЭВ, VI, 1952, стр. 3—45; ее же, Каталог монет с городища Пянджикент (материалы 1949—1956 гг.), М., 1963 и другие работы. См. также: О. И. Смирнова, Карта верховьев Зеравшана по мугским документам, М., 1960 (XXV МКВ, ДД СССР).

¹²³ См. С. И. Климчицкий, Ягнобско-согдийские соответствия, — ЗИВАН, т. VI, 1937, стр. 15—25.

¹²⁴ См. М. Н. Боголюбов, Ягнобский (новосогдийский) язык, Л., 1956 (автореферат докт. дисс.); его же, Согдо-ягнобские диалектологические отношения, — «Материалы первой всесоюзной конференции востоковедов», Ташкент, 1958, стр. 837; его же, Ягнобско-согдийские диалектологические отношения, — ВЛУ, 1957, № 8, стр. 111—113.

¹²⁵ См. В. А. Лившиц, К. В. Кауфман, И. М. Дьяконов, О древней согдийской письменности Бухары, — ВДИ, 1954, № 1, стр. 150—163; В. А. Лившиц, Первая согдийская азбука, — ПИКНВ, II, 1966, стр. 62—64; его же, Три согдийские надписи, — «Изв. АН ТаджССР», ООН, вып. 14, 1957, стр. 101 и сл.; его же, Согдийский документ В-4 с горы Муг, — ПВ, 1959, № 6, стр. 129; В. А. Лившиц и В. Г. Луконин, Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах, — ВДИ, 1964, № 3, стр. 165 и сл.

¹²⁶ См. М. Н. Боголюбов, О некоторых особенностях арабо-хорезмийской письменности, — НАА, 1961, № 4, стр. 182—187; его же, Частицы в хорезмийском языке, — УЗ ЛГУ, 1961, № 305, стр. 81—84; его же, Личные местоимения в хорезмийском языке, — там же, № 306, 1962, стр. 6—15; его же, Ударение в хорезмийском языке, — НКИФ, II, Л., 1962, стр. 6; его же, Местоимения в хорезмийском языке, — КСИНА, № 67, 1963, стр. 99—103.

стовым) вовлек в круг своих занятий памятники хорезмийской эпиграфики, фиксирующие хорезмийский язык эпохи до арабского завоевания ¹²⁷.

С начала 50-х годов в научный обиход были введены впервые найденные на территории СССР памятники парфянской письменности — многочисленные острака с хозяйственными записями с городищ Старая и Новая Ниса (неподалеку от современного Ашхабада). Обработка и публикация этих документов, начатая коллективом в составе историка М. М. Дьяконова, семитолога И. М. Дьяконова и ираниста В. А. Лившица ¹²⁸, была продолжена после смерти М. М. Дьяконова (1954) И. М. Дьяконовым и В. А. Лившицем ¹²⁹. В. А. Лившицу принадлежат также статья о тохарской надписи на хуме ¹³⁰ и опыт нового перевода знаменитой бактрийской надписи из Сурх-коталя ¹³¹.

Из других памятников среднеиранской письменности изучаются в институте памятники среднеперсидские и сакско-хотанские.

С начала 50-х годов пехлевийские тексты изучаются в качестве исторического источника А. Г. Периханян ¹³². Ею же опубликованы текст пехлевийского брачного контракта, пехлевийские папирусы из собрания Музея изящных искусств в Москве ¹³³, работы об ирано-армянских языковых свя

¹²⁷ См. S. P. Tolstov, V. A. Livshitz, Decipherment and Interpretation of the Khwarezmian Inscriptions from Tok Kala, — AAn ASH, t. XII, fasc. 1—2, 1964, стр. 231—251; В. А. Лившиц, Новые памятники хорезмийской письменности и некоторые проблемы истории Хорезма, — ПИКНВ, I, 1965, стр. 18—21.

¹²⁸ И. М. Дьяконов, М. М. Дьяконов, В. А. Лившиц, Документы из древней Нисы (дешифровка и анализ), — «Материалы ЮТАКЭ», вып. 2, М.—Л., 1951, стр. 21—65; их же, Новые находки парфянских документов, — «Изв. АН ТуркмССР», 1953, № 6, стр. 3—10; их же, Парфянский архив из Южного Туркменистана, — «Доклады советской делегации на XXIII Международном конгрессе востоковедов. Секция Ирана, Армении и Средней Азии», М., 1954, стр. 1—93.

¹²⁹ И. М. Дьяконов и В. А. Лившиц, О языке документов из древней Нисы, — ВДИ, 1956, стр. 100—113; их же, Парфянское царское хозяйство в Нисе I в. до н. э. (образцы документов), — ВДИ, 1960, № 2, стр. 14—38; их же, Из материалов парфянской канцелярии «Старой Нисы», — ИКНВ, стр. 320—333; их же, Документы из Нисы I в. до н. э. Предварительные итоги работы, М., 1960 (XXV МКВ); их же, Новые находки документов в Старой Нисе, — «Переднеаз. сб.», II, М., 1966, стр. 134—157.

¹³⁰ В. А. Лившиц, Тохарская надпись на хуме, — ДАН ТаджССР, вып. VII, 1953, стр. 23—28.

¹³¹ В кн. В. М. Массон, В. А. Ромодин, История Афганистана, т. I, М., 1964, стр. 192—193.

¹³² См., например, А. Г. Периханян, К вопросу о рабовладении и землевладении в Иране парфянского времени, — ВДИ, 1952, № 4 (по материалам среднеперсидского судебного).

¹³³ А. Г. Периханян, Образец пехлевийского брачного контракта, — СЭ. 1960, № 5, стр. 67—75; ее же, Пехлевийские папирусы собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина, — ВДИ, 1961, № 3, стр. 78—93.

зях¹³⁴, ведется подготовка к изданию известного памятника пехлевийской письменности «Mātakdān-i hazār dāristān» с исследованием и глоссарием.

Сасанидской эпиграфикой и палеографией (преимущественно по материалам богатейшего собрания Эрмитажа) занимается (совместно с В. Г. Лукониным) В. А. Лившиц (см. прим. 125).

Изучением некоторых вопросов среднеперсидской грамматики на материале памятников манихейского письма занималась А. Н. Рагоза¹³⁵.

Анализу среднеперсидской лексики в греческих и коптских папирусах посвятил свои исследования папиролог и коптовед П. В. Ернштедт¹³⁶, в арамейско-еврейских текстах — семитолог Ю. А. Солодухо¹³⁷.

Исследование памятников сакско-хотанского (или хотаносакского) языка в Советском Союзе было начато трудами безвременно скончавшегося индолога В. С. Воробьева-Десятовского, обнаружившего неизвестные ранее листы сакской рукописи «Е»¹³⁸.

Начатая им работа была завершена М. И. Воробьевой-Десятовской, опубликовавшей факсимиле текста с транскрипцией, переводом и глоссарием¹³⁹.

В изучении памятников древнеиранской письменности задачи и интересы ираниста-филолога непосредственно смыкаются с задачами и интересами ираниста-лингвиста, задачами и интересами историка древнего Востока. Теснейшая связь между историей, филологией и лингвистикой в этой области определяется тем, что сами исторические и историко-культурные исследования зависят здесь главным образом от степени изученности древнеиранских языков, от возможностей чтения и интерпретации письменных памятников на древнеиранских языках. Чтение и интерпретация этих памятников требуют, с одной стороны, привлечения сравнительного материала род-

¹³⁴ А. Г. Периханян, Armeno-Iranica. I, — «ИАН АрмССР. Общественные науки», 1965; № 11, стр. 89—94; A. Perikhanian, Une inscription araméenne du roi Artasès trouvée à Zangezour (Siwnik') RE Arin., NS, t. III, 1966, стр. 17—29.

¹³⁵ А. Н. Рагоза, Существительное и прилагательное в среднеперсидских турфанских текстах, — КСИНА, № 67, 1963, стр. 118—126.

¹³⁶ П. В. Ернштедт, Среднеперсидское в греческих и коптских папирусах, — ВВр., т. XII, 1957, стр. 218—231.

¹³⁷ Ю. А. Солодухо, Персидская административная, правовая, социально-экономическая и культурно-бытовая лексика в еврейско-иракских литературных памятниках сасанидского периода, — ДМ, 1962, стр. 344—354; его же, О некоторых персидских заимствованиях «Вавилонской гемары», — КСИНА, № 86, 1965, стр. 116—120.

¹³⁸ В. С. Воробьев-Десятовский, Новые листы сакской рукописи «Е», — КСИВАН, XVI, 1955, стр. 68—71.

¹³⁹ «Сказание о Бхадре» (новые листы сакской рукописи «Е»), М., 1965.

ственных языков (живых и мертвых), с другой — учета всего историко-культурного комплекса, историко-культурной обстановки, в которой тот или иной памятник (группа памятников) создавались. В исследованиях памятников древнеиранской письменности принимали участие поэтому не только иранисты-филологи, но и многие специалисты в области истории и истории культуры древнего и средневекового Востока. Авеста и древнеперсидские надписи использовались как источники по истории культуры, истории религии в работах В. В. Струве¹⁴⁰, В. О. Тюрина¹⁴¹, И. М. Дьяконова¹⁴², М. А. Дандамаева¹⁴³, В. А. Лившица¹⁴⁴, В. В. Струве. И. М. Дьяконов, М. А. Дандамаев, И. М. Оранский приняли участие в обсуждении вопроса о характере и времени введения древнеперсидской письменности¹⁴⁵. Анализом древнепер-

¹⁴⁰ В. В. Струве, Надпись Ксеркса о «дэвах» и религия персов, — ИАН СССР, СИФ, т. I, № 3, 1944, стр. 128—140; его же, Поход Дария I на саков-массагетов, — там же, т. III, № 3, 1946, стр. 231—250; его же, Новые данные истории Армении, засвидетельствованные Бехистунской надписью, — «ИАН АрмССР», ООН, 8, 1946, стр. 31—38; его же, Родина зороастризма, — СВ, V, 1948, стр. 5—34; его же, Датировка Бехистунской надписи, — ВДИ, 1952, № 1, стр. 26—48; его же, Дата похода Дария I на скифов Причерноморья, — «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия», М., 1952, стр. 37—41 и др. работы. Основные работы В. В. Струве, связанные с изучением памятников древнеиранской письменности, собраны теперь в посмертном издании: В. В. Струве, Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии, Л., 1968 (многие из этих работ напечатаны здесь в расширенном и дополненном виде).

¹⁴¹ См.: В. О. Тюрин, К установлению значения социально-экономических терминов Бехистунской надписи, — «ТИЯЗ», т. VI, 1956, стр. 499—525; его же, Аншан. Новые чтения и восстановления текста III столбца Бехистунской надписи, — ВДИ, 1962, № 4, стр. 111—130.

¹⁴² См., например, И. М. Дьяконов, История Мидии, М.—Л., 1956, стр. 45—56, 382—403, 424 и сл. и др. (рец.: Г. А. Меликишвили, В. И. Абаев, М. А. Дандамаев, — ВДИ, 1958, № 3, стр. 166—176).

¹⁴³ См.: М. А. Дандамаев, Социальная сущность переворота Гауматы, — ВДИ, 1958, № 4, стр. 36—50; его же, Восстание Вахьяздати (из истории народных движений древней Персии), — ВДИ, 1960, № 1, стр. 11—20; его же, К вопросу о династии Ахеменидов, — ПС, 5 (68), 1960, стр. 3—21; его же, Бехистунская надпись и античные авторы о Бардии — Гаумате, — КСИНА, № 46, 1962, стр. 252—258; его же, Uvāmaršīyūš amariyatā Бехистунской надписи, — ДМ, 1962, стр. 371—376; его же, Поход Дария против скифского племени тиграхауда, — КСИНА, 1963, № 61, стр. 175—187; его же, Отражение содержания Бехистунской надписи в труде Геродота, — КСИНА, 1963, № 67, стр. 190—192; его же, Иран при первых Ахеменидах, М., 1963, и др.

¹⁴⁴ См. ИТН, I, гл. III и IV.

¹⁴⁵ В. В. Струве, Реформа письменности при Дарии I, — ВДИ, 1951, № 3, стр. 186—191; И. М. Дьяконов, История Мидии, стр. 366—371; М. А. Дандамаев, Проблема древнеперсидской письменности, — ЭВ, XV, 1963, стр. 24—35; его же, Иран при первых Ахеменидах, стр. 32—60 (см. рец.: И. М. Дьяконов, — ВДИ, 1964, № 3, стр. 177—179); И. М. Оранский, — ВДИ, 1965, № 1, стр. 209 (в рец. на кн. W. Brandenstein und M. Mayrhofer, Handbuch des Altpersischen, Wiesbaden,

сидской лексики занимались М. Н. Боголюбов¹⁴⁶ и С. И. Баевский¹⁴⁷. М. Н. Боголюбов и М. А. Дандамаев исследовали древнеиранскую лексику в арамейских¹⁴⁸ и вавилонских¹⁴⁹ письменных памятниках, М. Н. Боголюбов занимался также чтением надписей на печатах из Персеполя¹⁵⁰. Как памятники древнеиранской письменности и древнеиранских языков рассматриваются Авеста и древнеперсидские надписи в работах И. М. Оранского¹⁵¹. Авеста, памятники среднеперсидской, парфянской и согдийской письменности использовались в качестве источника по истории литературы Е. Э. Бертельсом. Ему же принадлежат переводы отрывков из Авесты и отдельная статья по авестийской проблематике¹⁵².

Вопрос об изучении языка новоперсидской классической литературы, языка отдельных авторов и произведений, поставленный еще Залеманом, всегда привлекал внимание иранистов института. Как уже отмечалось, в первые послереволюционные годы была предпринята попытка составить словари к произведениям отдельных авторов классического периода. Важная во многих отношениях, в том числе и для работ по истории персидского и таджикского языков, эта тема вновь была выдвинута перспективным планом Иранского кабинета на 1937—1942 гг., затем в заседании группы иранистов в 1957 г.¹⁵³, однако до сих пор не нашла своего воплощения.

1964); его же, Несколько замечаний к вопросу о времени введения древнеперсидской клинописи, — ВДИ, 1966, № 2, стр. 107—116.

¹⁴⁶ М. Н. Боголюбов, Древнеперсидский месяц *viyahna*, — СВ, 1956, № 1, стр. 173—174; его же, Древнеперсидские этимологии, — ДМ, 1962, стр. 367—370.

¹⁴⁷ С. И. Баевский, Древнеперсидское *magika*, — СВ, 1958, № 1, стр. 98—101.

¹⁴⁸ М. Н. Боголюбов, Иранская лексика ахеменидского времени в арамейских письменных памятниках, — НКИФ, V, Душанбе, 1966, стр. 143—147; его же, Арамейская строительная надпись из Асуана, — ПС, 15 (78), 1966, стр. 41—45. См. также: М. Н. Боголюбов, Арамейская версия кандагарской надписи Ашоки, — ФИСЗАА, I, 1965, стр. 8—10; его же, К чтению арамейской версии кандагарской надписи Ашоки, — ИАН СССР, СЛЯ, XXVI, вып. 3, 1967, стр. 264—268; его же, Арамейский документ из Авромана, — ВЛУ, 1967, № 2, стр. 121—128; его же, Древнеперсидская глосса в арамейском юридическом документе, — ФИСЗАА, II, 1967, стр. 7—8.

¹⁴⁹ М. А. Дандамаев, Древнеперсидские слова в вавилонских текстах, — НКИФ, V, Душанбе, 1966, стр. 157—158.

¹⁵⁰ М. Н. Боголюбов, Надписи на печатах из Персеполя, — ФИСЗАА, II, 1966, стр. 7—8.

¹⁵¹ И. М. Оранский, Введение, стр. 67—136 и др.; его же, Иранские языки, М., 1963, стр. 38—59 и др.; его же, Письменные памятники на иранских языках народов Средней Азии (до VII—VIII вв. н. э.), — ИТН, т. I, М., 1963, стр. 439 и сл.

¹⁵² Е. Э. Бертельс, Избранные труды, М., 1960, стр. 31—89; его же, Отрывки из Авесты. Перевод с языка Авесты, — «Восток», 1924, № 4, стр. 3—11; его же, Новые работы по изучению Авесты, — УЗИВАН т. III, 1951, стр. 257—271.

¹⁵³ См. ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1937), № 42; оп. 1 (1957), № 32.

Продолжая традиции В. А. Жуковского¹⁵⁴, многие литературоведы (Е. Э. Бертельс, А. Н. Болдырев, А. Т. Тагирджанов) стремились отмечать в своих работах наиболее бросающиеся в глаза языковые и орфографические особенности изучаемых произведений¹⁵⁵. Однако специальные лингвистические работы, посвященные анализу языка отдельных произведений или отдельных грамматических категорий, стали появляться лишь в послевоенный период. Едва ли не первым опытом в этом направлении была работа А. Н. Болдырева о перфекте II¹⁵⁶. Углубленно работает над изучением языка ранненовоперсидской литературы Л. П. Смирнова, опубликовавшая монографию о языке «Та'рих-и Сйстан» (XI в.) и ряд статей¹⁵⁷. Особый интерес для персидской и таджикской исторической лексикологии представляют работы в области изучения фархангов — средневековых персидско-таджикских толковых словарей. В 50-е годы изучением одного из таких словарей занимался А. К. Арендс¹⁵⁸, ряд работ в этой области принадлежит также С. И. Баевскому¹⁵⁹, подготовившему публикацию обнаруженной им уникальной рукописи персидского толкового словаря XIV в. «Зафангуя ва джаханпуйа», своеобразного свода персидской лексики до XIV в.¹⁶⁰.

В дискуссии о становлении новоперсидского литератур-

¹⁵⁴ См. И. М. Оранский, Изучение истории таджикского и персидского языков в Петербургском университете, — ОИРВ, IV, 1959, стр. 151 и сл.

¹⁵⁵ См.: Е. Э. Бертельс, Нур-аль-'улум. Жизнеописание шейха Абү-л-Хасана Харақанӣ, — сб. «Иран», т. III, стр. 163—166; А. Н. Болдырев, Зайнабдин Васафи, Сталинабад, 1957, стр. 301 и сл.; «Собрание историй Маджмӯ'ат-таварих». Подготовил к изданию А. Т. Тагирджанов, Л., 1960, стр. 12—21; А. Т. Тагирджанов, Памятник таджикского разговорного языка первой половины XVI века, — «ИАН ТаджССР», ООИ, вып. 2 (29), 1962, стр. 28—32.

¹⁵⁶ А. Н. Болдырев, Перфект II в новоперсидском литературном языке, — ИАН СССР, ОЛЯ, т. V, вып. 6, 1946, стр. 490—496.

¹⁵⁷ Л. П. Смирнова, Язык «Та'рих-и Сйстан» (грамматическое описание), Сталинабад, 1959; ее же, Язык «Та'рих-и Сйстан» (грамматика, лексика), Л., 1965 (автореферат канд. дисс.); ее же, Особенности языка «Фарснама», — КСИНА, № 72, 1963, стр. 102—119, и другие работы. Ею же подготовлен к печати словарь-конкорданс, дающий полную картину лексики «Та'рих-и Сйстан».

¹⁵⁸ А. К. Арендс, Таджикско-персидский глоссарий Хафиза Обехи, — «Труды ИВАН УзбССР», вып. III, Ташкент, 1954, стр. 83—106.

¹⁵⁹ С. И. Баевский, Описание персидских и таджикских рукописей Института народов Азии, вып. 4. Персидские толковые словари (фарханги), М., 1962; вып. 5. Двухязычные словари, М., 1968; его же, Редкая рукопись персидского толкового словаря «Тухфат ас-саадат», — КСИНА, № 67, 1963, стр. 160—162; его же, Уникальная рукопись персидского толкового словаря «Фарханг-и зафәнгуя ва джаханпуйа», — НАА, 1965, № 3, стр. 118—121 (перевод на персидский язык: журн. «Пейям-и навин», Тегеран, 1344—1965, т. VII, № 9, стр. 54—59), и другие работы.

¹⁶⁰ См. ниже, стр. 379 и сл.

ного языка и в этой связи о термине «дари» принял участие Е. Э. Бертельс¹⁶¹; две важные работы посвятил этому вопросу А. Н. Болдырев¹⁶².

Из современных иранских языков сотрудниками ИВ изучались персидский и таджикский, в меньшей мере — афганский (пашто), памирские, ягнобский и другие бесписьменные языки и диалекты¹⁶³.

Персидский язык всегда оставался основным предметом иранистического преподавания, и насущные нужды практики требовали создания большого числа учебников, учебных пособий, грамматик, словарей. Помимо уже упоминавшихся работ А. А. Ромаскевича и Ю. Н. Марра должны быть отмечены относящиеся к довоенному периоду учебники и грамматические труды по персидскому языку сотрудников института Е. Э. Бертельса и А. К. Арендса¹⁶⁴. К этому же периоду относятся работы Е. Э. Бертельса о проблемах персидской письменности¹⁶⁵. В изданиях ИВ принимал участие своими работами по отдельным вопросам персидской лексикологии Н. А. Белгородский¹⁶⁶, он же собирал в Иране материалы для словаря торговых и коммерческих терминов.

В 1938 г. в число докторантов, впоследствии (с 1940 г.) научных сотрудников ИВ, вошел ученик А. А. Фреймана и ближайший его помощник по кафедре иранской филологии ЛГУ Л. А. Хетагуров. В 1938—1941 гг. им были подготовлены в качестве докторской диссертации работы «Опыт анали-

¹⁶¹ Е. Э. Бертельс, Персидский — дари — таджикский, — СЭ, 1950, № 4, стр. 55—66 (также: Е. Э. Бертельс, К вопросу о происхождении языка дари, — Рабочая хроника ИВ, II, 1944). Критический разбор этой статьи см.: А. А. Семенов, К вопросу о термине «дари» как названии языка, — «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР», т. СХХ, Сталинабад, 1960, стр. 189—193.

¹⁶² А. Н. Болдырев, Из истории развития персидского литературного языка, — ВЯ, 1955, № 5, стр. 78—92; его же, Некоторые вопросы становления и развития письменных языков в условиях феодального общества, — ВЯ, 1956, № 4, стр. 31—36.

¹⁶³ Изучение современных иранских языков и диалектов, сделавшее особенно большие успехи в советское время, сосредоточивалось в нашей стране преимущественно в ИЯ АН СССР и других научных учреждениях и вузах Москвы, Ленинграда, Ташкента, Душанбе, Баку, Еревана, Тбилиси, Орджоникидзе (см. ОИИИЯ; Расторгуева, Иранские языки).

¹⁶⁴ Е. Э. Бертельс, Грамматика персидского языка, Л., 1926; его же, Учебник персидского языка, Л., 1932; А. К. Арендс, Краткий синтаксис современного персидского литературного языка, М.—Л., 1941.

¹⁶⁵ Е. Э. Бертельс, К вопросу о латинизации персидской письменности, — ЗИВАН, т. III, Л., 1935; его же, Из истории попыток реформы арабского алфавита, — «Культура и письменность Востока», кн. 2, Баку, 1928; кн. 4, 1929.

¹⁶⁶ Н. А. Белгородский, Социальный элемент в персидских именах, прозвищах, титулах и фамилиях, — ЗИВАН, т. I, 1932, стр. 213—242; его же, Современная персидская лексика, М.—Л., 1936; его же, Географические имена в персидских названиях предметов материальной культуры, — ЗИВАН, т. VI, 1937, стр. 97—103.

за фонологической структуры персидского языка» и «Грамматика персидского языка»¹⁶⁷. Весьма плодотворно начатая Л. А. Хетагуровым научная деятельность была прервана трагической его гибелью в дни блокады Ленинграда, и большинство его трудов, в том числе и названные работы по персидскому языку, не увидели света.

В послевоенный период сотрудниками Иранского кабинета (М. Н. Боголюбов, А. З. Розенфельд, О. И. Смирнова, А. Т. Тагирджанов) под руководством А. А. Фреймана велась большая работа по подготовке персидско-русского словаря. Инструкция и план словаря были составлены М. Н. Боголюбовым, им же осуществлялось редактирование картотеки¹⁶⁸. Впоследствии, в связи с реорганизацией ИВ, эта картотека была передана в Москву и использована при составлении большого персидско-русского словаря, подготовленного к печати иранистами ИВ (Москва). В этот же период М. Н. Боголюбов работал над грамматическим исследованием современного персидского языка¹⁶⁹. Под руководством Боголюбова двумя сотрудниками ИВ были подготовлены кандидатские диссертации, посвященные вопросам о персидском артикле и модальных значениях глагольных форм в современном персидском языке¹⁷⁰.

Изучением глагольных форм современного персидского языка занимались также А. З. Розенфельд и А. М. Мугинов, продолжившие обсуждение поднятого еще Жуковским вопроса о вспомогательных функциях глагола *dāštan*¹⁷¹. Сотрудник ИВ А. И. Фархадян и аспирант В. А. Лившиц приняли участие в работе по исследованию некоторых неясных вопросов персидской фонетики¹⁷².

Развертывание в 20—30-е годы работ по таджикскому языкознанию было связано в первую очередь с практическими задачами культурного и языкового строительства в Таджикистане. В разработке нового (латинизированного) таджикского алфавита, орфографии, установлении норм литературного языка, создании новой терминологии приняли участие

¹⁶⁷ См. ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 643.

¹⁶⁸ Там же, № 91.

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ М. А. Салахетдинова, Артикль в современном персидском языке, Л., 1954 (автореферат канд. дисс.); С. И. Баевский, Модальные значения глагольных форм современного персидского языка, Л., 1954 (автореферат канд. дисс.).

¹⁷¹ А. З. Розенфельд, Вспомогательная функция глагола *dāštan* в современном персидском языке, — СВ, V, 1948, стр. 305—310; А. М. Мугинов, Об употреблении персидского глагола *dāštan* для передачи значения ближайшего будущего времени, — ОИРВ, V, 1960, стр. 136—139.

¹⁷² См. В. С. Соколова, В. А. Лившиц и А. И. Фархадян, Новые сведения по фонетике иранских языков. II, — «ТИЯЗ», т. I, 1952, стр. 172—192.

А. А. Фрейман¹⁷³, Е. Э. Бертельс, С. И. Климчицкий¹⁷⁴. Большое значение имела начавшаяся в 30-е годы лексикографическая работа, в которой приняли участие Е. Э. Бертельс, С. И. Климчицкий, А. З. Розенфельд, О. И. Смирнова. На основе составленной в ИВ и ТБАН словарной картотеки был издан в 1946 г. первый том таджикско-русского словаря¹⁷⁵, сыгравший важную роль в развитии таджикской лексикографии. Е. Э. Бертельс был также главным редактором русско-таджикского (1949) и таджикско-русского (1954) словарей. В составлении обоих словарей принимала участие А. З. Розенфельд, а в работе над вторым из них и Л. П. Смирнова. Изучение грамматического строя таджикского языка было включено в план Иранского кабинета ИВ на 1938—1942 гг.¹⁷⁶, в послевоенные годы над этими вопросами работали А. З. Розенфельд¹⁷⁷, Б. Н. Ниязмухаммедов¹⁷⁸, Д. Т. Таджиев¹⁷⁹. В связи с работами по таджикскому фольклору важные сведения о дарвазских и бадахшанских говорах таджикского языка были собраны в 30-е годы С. И. Климчицким¹⁸⁰ и А. Н. Болдыревым¹⁸¹. К 30-м годам относится также начало многолетних работ А. З. Розенфельд по изучению говоров горного Таджикистана — каратегинских, дарвазских, ванджских, бадахшанских¹⁸². Ей же принадлежит ряд исследований

¹⁷³ См.: [А. А. Семенов], О новом таджикском (латинизированном) алфавите, — «Изв. Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами», т. I, Ташкент, 1928, стр. 242—247.

¹⁷⁴ См. «К вопросу об едином литературном таджикском языке, терминологии и латинизированном таджикском алфавите» (Материалы работ Комиссии по подготовке Научно-лингвистического съезда в Сталинабаде, Сталинабад, 1930; С. И. Климчицкому принадлежит также учебник таджикского языка для средней школы («Savodi toçiki», Таджгиз, изд. 1931, 1932 и 1933 гг.).

¹⁷⁵ «Таджикско-русский словарь», т. I, Сталинабад — Ташкент, 1946.

¹⁷⁶ См. ЛО ААН, ф. 152, оп. I (1937), № 42.

¹⁷⁷ См. А. З. Розенфельд, Материалы к исследованию сложно-составных глаголов в современном таджикском литературном языке, Сталинабад, 1953; ее же, Глагол, Сталинабад, 1954 и др. работы.

¹⁷⁸ Список трудов см. в кн.: «Академия наук Таджикской ССР. Центральная научная библиотека. Материалы к библиографии ученых Таджикистана, вып. 6. Бободжан Ниязмухаммедович Ниязмухаммедов», Душанбе, 1966.

¹⁷⁹ О нем: Р. Джураев и А. Юнусов, Дададжан Таджиевич Таджиев (Краткий очерк жизни и научно-педагогической деятельности с приложением библиографии), Душанбе, 1965.

¹⁸⁰ С. И. Климчицкий, Дарвазские фахлавийот, — ТТБАН, т. IX, М.—Л., 1940, стр. 65—93.

¹⁸¹ А. Н. Болдырев, Бадахшанский фольклор, — СВ, V, 1948, стр. 275—295 и особенно 280—287.

¹⁸² Основные работы: А. З. Розенфельд, Дарвазские говоры таджикского языка, — «ГИЯЗ», т. VI, М., 1956, стр. 196—272; ее же, Говоры Каратегина, Сталинабад, 1960 (рец.: G. L a z a r d, — BSLP, t. 57, fasc. 2, 1962, стр. 52—53); ее же, Ванджские говоры таджикского языка, Изд ЛГУ, 1964 (рец.: G. L a z a r d, — BSLP, t. 60, fasc. 2, 1965, стр. 36); ее же, Таджикские говоры Советского Бадахшана и их место среди других языков на Памире, — ВЛУ, № 20, ИЯЛ, вып. 4, 1963, стр.

по классификации таджикских говоров, изучению таджикско-памирских и таджикско-персидских языковых отношений, таджикской топонимии и гидронимии¹⁸³. Некоторые сведения по аргю так называемых среднеазиатских цыган (на таджикской основе) были опубликованы в 1948 г. А. Л. Троицкой¹⁸⁴. В 50—60-е годы изучением таджикских диалектов (и аргю) некоторых этнографических групп Таджикистана (преимущественно выходцев с левобережья Амударьи) занимался И. М. Оранский¹⁸⁵. Вопросу о взаимовлиянии таджикского и узбекского языков посвящена одна из работ А. К. Боровкова¹⁸⁶.

В период эвакуации ИВ в Ташкент в его работе принимали участие маститые среднеазиатские иранисты член-корр. АН СССР М. С. Андреев (1873—1948) и А. А. Семенов (1873—1958), сыгравшие видную роль в изучении иранских языков и диалектов Средней Азии¹⁸⁷, а также известный ленинградский иранист — историк и искусствовед, член-корр. АН СССР К. В. Тревер.

Изучение памирских языков, поставленное на научную основу акад. Залеманом, сосредоточивалось в советскую эпоху

107—112; ее же, Система глагола в юго-восточных говорах таджикского языка, Л., 1966 (автореферат докт. дисс.).

¹⁸³ См. А. З. Розенфельд, Некоторые вопросы таджикской диалектологии, — ВЛУ, 1951, № 7, стр. 32—40; ее же, К вопросу о памирско-таджикских языковых отношениях, — «ТИЯЗ», т. VI, М., 1956, стр. 273—280; ее же, Таджикско-персидские языковые отношения (по материалам лексики), — УЗ ЛГУ, № 294, СВН, вып. 12, 1961, стр. 12—42; ее же, Название «лянгар» в топонимике Таджикистана, — ИВГО, 1940, т. 72, вып. 6, стр. 861—864; ее же, Материалы по этнографии и топонимике Ванча, — там же, 1953, т. 85, вып. 4, стр. 393—404; ее же, Заметки по гидронимии Юго-Восточного Таджикистана, — «Топонимика Востока. Новые исследования», М., 1964, стр. 175—183, и другие работы.

¹⁸⁴ См. А. Л. Троицкая, Abdoltili — аргю цеха артистов и музыкантов Средней Азии, — СВ, V, 1948, стр. 256—257.

¹⁸⁵ См. И. М. Оранский, Новые сведения о секретных языках (аргю) Средней Азии [I]. Этнографическая группа «кавол» в Кулябе и ее аргю, — КСИНА, № XL, 1961, стр. 62—71; [II]. Материалы для изучения аргю этнографической группы джуги (Гиссарская долина), — «Иранская филология», Л., 1964, стр. 62—75; его же, Индо-иранские диалекты Гиссарской долины... Материалы и исследования, Л., 1967 (автореферат докт. дисс.), и другие работы.

¹⁸⁶ См. А. К. Боровков, Таджикско-узбекское двуязычие и вопрос о взаимовлиянии таджикского и узбекского языков, — УЗИВАН, т. IV, 1952, стр. 155—200.

¹⁸⁷ Об их языковедческих работах см.: ОИИИЯ; Расторгуева, Иранские языки; см. также: А. К. Писарчик, Михаил Степанович Андреев, — «Памяти Михаила Степановича Андреева», Труды ИИАЭ, т. СХХ, 1960, стр. 3—29 (со списком трудов, описанием архива и портретом); Д. Г. Вороновский [и др.], Библиография научных работ А. А. Семенова, — «Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвященный 80-летию со дня рождения А. А. Семенова» («Труды ИИАЭ», т. XVII, 1963, стр. 7—24); Некролог А. А. Семенова и дополнения к библиографии см.: ПВ, 1959, № 1, стр. 240—243.

преимущественно в Институте языкознания АН СССР (проф. И. И. Зарубин и его ученики), а также в научных учреждениях Средней Азии (проф. М. С. Андреев, А. К. Писарчик и др.)¹⁸⁸. Из сотрудников ИВ памирскими языками активно занимался в 30-е годы С. И. Климчицкий, опубликовавший ваханские тексты со словарем и статью о секретном языке у ягнобцев и язгулемцев¹⁸⁹. Им же были подготовлены не увидевшие света публикации фольклорных материалов на памирских языках, работы по классификации шугнанских диалектов, по язгулемскому и сарыкольскому (тексты со словарем и комментарием) языкам¹⁹⁰.

Больше внимания уделялось сотрудниками ИВ ягнобскому (новосогдийскому) языку, изучение которого ставилось всегда в тесную связь с согдологическими исследованиями. Сбор материалов и исследования по ягнобскому языку, начатые русскими исследователями еще в последней четверти XIX в., успешно продолжались в советское время¹⁹¹. Из сотрудников ИВ в этой работе приняли участие С. И. Климчицкий, Л. А. Хетагуров, М. Н. Боголюбов, В. А. Лившиц. Из материалов экспедиции С. И. Климчицкого и Л. А. Хетагурова в Ягноб (1934) опубликованы одна сказка, статья о секретном языке у ягнобцев, а также статья о распространении ягнобского языка¹⁹². Эти же материалы были использованы С. И. Климчицким в работах об ягнобско-согдийских соответствиях и о названии Согдианы в топонимике Таджикистана¹⁹³.

В 1947 и 1952 гг. записи ягнобских текстов производил

¹⁸⁸ См. В. С. Соколова и А. Л. Грюнберг, История изучения бесписьменных иранских языков, — ОИИИЯ, стр. 118—129; Д. И. Эдельман, Современное состояние изучения памирских языков, — ВЯ, 1964, № 1, стр. 128—133; Д. Карамшоев, Памир — лингвистический музей, — КТ, 27.IV.1966, № 98 (10758).

¹⁸⁹ С. И. Климчицкий, Ваханские тексты, — ТТБАН, т. III, М.—Л., 1936, стр. 75—124; его же, Секретный язык у ягнобцев и язгулемцев, — ТТБАН, т. IX, 1940, стр. 104—117.

¹⁹⁰ См. ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 301; там же, оп. 1 (1934), № 39. С. И. Климчицкий принимал также участие в написании первого, по-видимому, учебного пособия на шугнанском языке (см. Sajid Šarifof, Mubaraksojef Zinatsojef, Klimciekij, Inqilobi madani Pəndand. Maktabəni. Čāt, Stalinobod, 1932).

¹⁹¹ См. И. М. Оранский, Введение, стр. 372, 376—377, 392; ОИИИЯ, стр. 129 и сл.

¹⁹² С. И. Климчицкий, Ягнобская сказка, — ТТБАН, т. IX, 1940, стр. 94—103; его же, Ягнобцы и их язык, — ТТБАН, т. IX, 1940, стр. 137—139; см. также прим. 189. Подготовленная С. И. Климчицким работа по ягнобской диалектологии не увидела света (см. ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 301, л. 11). Не увидели света также материалы, собранные в этой экспедиции Л. А. Хетагуровым (18 сказочных текстов, словарь ок. 2 тыс. слов, фонетические записи). См. там же, № 643.

¹⁹³ С. И. Климчицкий, Ягнобско-согдийские соответствия, — ЗИВАН, т. VI, 1937, стр. 15—25; его же, Название Согдианы в топонимике Таджикистана, — там же, стр. 9—13.

М. Н. Боголюбов, использовавший их затем в своей докторской диссертации. Ему же принадлежат несколько статей по вопросу об ягнобско-согдийских соответствиях и грамматический очерк ягнобского языка¹⁹⁴. В. А. Лившиц принял участие в издании ягнобских текстов, собранных М. С. Андреевым и Е. М. Пещеревой (1924 и 1927 гг.), и в составлении приложенного к текстам словаря, представляющего на сегодняшний день наиболее полное собрание ягнобской лексики¹⁹⁵. Этот словарь снабжен В. А. Лившицем грамматическим комментарием и сравнительным материалом по согдийскому и другим восточноиранским языкам.

Научное изучение и преподавание афганского языка (пашто), начатое в стенах АМ и Петербургского университета акад. Б. А. Дорном, прервалось уже в 50-е годы XIX в. и было возобновлено в отечественной иранистике лишь 80 лет спустя, уже в советское время. Из сотрудников ИВ афганским языком занимались Е. Э. Бертельс, М. Н. Боголюбов, В. А. Лившиц, И. М. Оранский, В. В. Кушев, А. Н. Рагоза. Е. Э. Бертельсу принадлежит общая работа по афганской грамматике¹⁹⁶, статья по диалектологии, редактирование первого афганско-русского словаря¹⁹⁷. С его именем связана также попытка организации в 30-е годы преподавания афганского языка в ЛВИ. С 1948 г. по инициативе А. А. Фреймана преподавание афганского языка было возобновлено М. Н. Боголюбовым после почти столетнего перерыва на Восточном факультете ЛГУ. Воспитанники ЛГУ занимались изучением глагольной системы¹⁹⁸, системы местоимений¹⁹⁹, отчасти так-

¹⁹⁴ М. Н. Боголюбов, Ягнобский язык, — «Языки народов СССР», т. I, Индоевропейские языки, М., 1966, стр. 342—361. См. также прим. 124.

¹⁹⁵ М. С. Андреев и Е. М. Пещерева, Ягнобские тексты. С приложением ягнобско-русского словаря, составленного М. С. Андреевым, В. А. Лившицем и А. К. Писарчик, М.—Л., 1957 (рец.: E. Benveniste, — BSLP, t. 54, fasc. 2, 1959, стр. 79—81).

¹⁹⁶ Е. Э. Бертельс, Строй языка пушту, Л., 1936. Составление грамматики пашто планировалось Иранским кабинетом на 1937—1942 гг. (ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1937), № 42), однако эта работа, как и начатая работа над афганско-русским словарем, не была осуществлена в связи с войной; небольшая картотека словаря сохранилась в Иранском кабинете.

¹⁹⁷ Е. Э. Бертельс, Кандахарское наречие языка пушту, — «Советское языкознание», I, 1935, стр. 173—181; Краткий афганско-русский словарь. Составил П. Б. Зудин. Под ред. члена-корр. АН СССР, проф. Е. Э. Бертельса. Около 12 тыс. слов, М., 1950 (с приложением: Е. Э. Бертельс, Краткие сведения об афганском языке, его фонетике и письме).

¹⁹⁸ И. М. Оранский, Грамматические категории вида и кратности в глагольной системе современного афганского языка (пашто), Л., 1951 (автореферат канд. дисс.); его же, О грамматических категориях вида и кратности в глагольной системе современного афганского языка (пашто), — УЗТГУ, т. II, СГН, Сталинабад, 1954, стр. 201—233.

¹⁹⁹ В. А. Лившиц, Местоимения в афганском языке (пашто), М., 1952 (автореферат канд. дисс.); его же, Указательные местоимения в афганском языке (пашто), — «ИАН ТаджССР», ООН, вып. 9, 1956, стр. 121—140; его же, Лично-направительные местоимения в афганском

же историей афганского языка²⁰⁰. В настоящее время исследованием первого грамматико-лексикографического сочинения о языке пашто занимается В. В. Кушев²⁰¹.

Широкий круг привлеченных к исследованию иранских языков — древних и современных — обеспечивал возможность постановки работ, посвященных общим вопросам иранской филологии и иранского языкознания, истории и исторической диалектологии иранских языков, этимологических исследований. О работах А. А. Фреймана говорилось уже выше. Из его учеников — сотрудников ИВ в этом направлении работали Л. А. Хетагуров, О. И. Смирнова, М. Н. Боголюбов, В. А. Лившиц, И. М. Оранский, С. И. Баевский, А. Н. Рагоза.

Л. А. Хетагуров в конце 30-х годов осуществил большую работу по категории рода в иранских языках, опубликованную лишь частично²⁰². Вопросом об исторических корнях сложных глаголов с *istodan* и *mondan* в таджикском занималась О. И. Смирнова²⁰³. М. Н. Боголюбов помимо уже упоминавшихся работ по древнеперсидскому, согдийскому, хорезмийскому и ягнобскому языкам опубликовал ряд этимологических исследований по ваханскому, осетинскому и среднеиранским языкам, по истории иранских языков в целом²⁰⁴. Преподаванием и изучением истории персидского и таджикского языков занимались М. Н. Боголюбов, К. В. Кауфман,

языке (пашто), — УЗСПГИ, т. XVIII, СФ, вып. 8, Сталинабад, 1959, стр. 73—105.

²⁰⁰ См.: И. М. Оранский, Этимологические заметки [I]. К этимологии афганского *wi-*, — «ИАН ТаджССР», ООН, вып. 12, 1957, стр. 77—79; его же, Афганское *wi-* — персидское *bi-*, — КСИНА, № 67, 1963, стр. 95—98; А. Н. Рагоза, Древнеиранские группы согласных и их отражение в афганском языке (пушту), — УЗ ЛГУ, № 294; СВН, вып. 12, 1961, стр. 62—69.

²⁰¹ См. В. В. Кушев, Первое грамматико-лексикографическое сочинение о языке пашто и его место в афгановедении, — ПИКНВ, III, 1967, стр. 21—22.

²⁰² Л. А. Хетагуров, Категория рода в иранских языках, — УЗ ЛГУ, № 20, СФ, вып. I, Л., 1939, стр. 50—97.

²⁰³ О. И. Смирнова, Сложные глаголы с *istodan* и *mondan* в таджикском языке и их исторические корни, — СВ, V, 1948, стр. 297—304.

²⁰⁴ М. Н. Боголюбов, К этимологии ваханского вспомогательного глагола *тэй-*: *ту-* (быть), — ИАН СССР, ОЛЯ, т. VI, вып. 4, 1947, стр. 339—340; его же, Еще раз об осетинских *дән*, *дә*, — УЗ ЛГУ, № 179, СВН, вып. 4, 1954, стр. 251—254; его же, Осетинский проверб *ц-*, — ВЛУ, 1960, № 14, стр. 138—139; его же, Несколько иранских этимологий, — «Вопросы грамматики и истории восточных языков», М.—Л., 1958, стр. 102—108; его же, К истории модально-временных отношений в иранских языках, — «Лен. гос. университет. Научная сессия 1953/1954 г. Тезисы докладов по секции востоковедческих наук», Л., 1954, стр. 27—29; его же, Пролетические конструкции в иранских языках, — ФИСЗАА, I, 1965, стр. 10—11; его же, Вопросы исторического ударения в иранских языках, — «Лен. гос. университет. Научная сессия 1954—1955 гг. Тезисы докладов по секции востоковедческих наук», Л., 1955, стр. 27—28.

В. А. Лившиц²⁰⁵, И. М. Оранский²⁰⁶. В. А. Лившицу принадлежит также обзор иранских языков народов Средней Азии²⁰⁷.

Опыт обобщения накопленного к концу 50-х годов материала — обзор и классификация группы иранских языков на разных этапах ее исторического развития в связи с историей и историей культуры ираноязычных народов — был сделан И. М. Оранским²⁰⁸. Им же опубликован обзор письменных памятников на древних иранских языках народов Средней Азии²⁰⁹.

Приведенный обзор работ по древнеиранской филологии и иранскому языкознанию, выполненных и выполняемых сотрудниками АМ — ИВ, убеждает в том, что взятое направление успешно развивается и отвечает насущным потребностям развития иранистики. В то же время выявляется необходимость направить усилия на осуществление невыполненных задач, подготовленных развитием иранистической науки в стенах ИВ и стоящих перед нынешним поколением советских иранистов. Среди этих задач историческая грамматика персидского и афганского языков, история литературных персидского и таджикского языков, сравнительно-историческая грамматика и этимологический словарь иранских языков в целом.

²⁰⁵ В. А. Лившиц, О внутренних законах развития таджикского языка, — «ИАН ТаджССР», ООИ, вып. 5, 1954, стр. 87—102.

²⁰⁶ И. М. Оранский, Об основных принципах построения курса «История таджикского языка», — «Уч. зап. Сталинабадского гос. жен. пед. ин-та», т. I, Сталинабад, 1957, стр. 223—244; его же, Из очерков по исторической фонетике таджикского языка, — «Вопросы таджикского языка и литературы» (УЗСПГИ, т. XVIII, СФ, вып. 8), Сталинабад, 1959, стр. 106—119; его же, О курсе «Истории персидского и таджикского языков» в системе университетского иранистического образования, — «Ир. фил.», IV, Ташкент, 1966, стр. 46—59, и другие работы.

²⁰⁷ См. НСАК, I, 1962, стр. 131—158.

²⁰⁸ И. М. Оранский, Введение в иранскую филологию, М., 1960; его же, Иранские языки, М., 1963.

²⁰⁹ См. ИТН, I, М., 1963, стр. 431—463, 556—565.